
В. Б. ПЕРХАВКО

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ОБРАЗ ТОРГОВЫХ ЛЮДЕЙ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

В отечественной фольклористике давно уже ведется дискуссия о соотношении эпоса и истории.¹ Истоки устного народного творчества восточнославянских народов уходят в глубокую древность, и на протяжении длительного времени его характер постоянно трансформировался. Подавляющее большинство древних эпических произведений, записанных в XVIII—XX вв., является продуктом не одной, а нескольких эпох.² А. Н. Веселовский различал четыре стадийные формы эпоса. По его мнению, лирико-эпические песни на первой стадии слагались «по горячим следам исторического события». На следующей стадии создается просто эпическая песня, тон которой становится более спокойным, актуальность исчезает. Третья стадия отмечена появлением циклов песен о родственниках по духу героях. И лишь на четвертой стадии зарождается цельный, полный эпос.³ Таким образом, фольклор включает разновременные наслоения, которые далеко не просто расчленишь, отделить ранние элементы от более поздних дополнений. Еще сложнее выявить в нем исторические реалии.

В произведениях устного народного творчества (былинах, исторических песнях, преданиях, пословицах, поговорках, притчах, сказках), создававшихся на протяжении нескольких столетий, широко представлен социальный срез средневекового русского общества: в них действуют и князья, и бояре, и воины-дружинники, и крестьяне, и попы, и купцы. Не раз исследователями предпринимались попытки идентифицировать некоторых из былинных персонажей с определенными историческими лицами, связать фольклорные мотивы с реальными сюжетами из прошлого.⁴

Вместе с тем как историки, так и фольклористы до сих пор уделяют недостаточно внимания отражению в русском эпосе торговли и жизни купечества периода Средневековья. В литературе можно встретить лишь отдельные частные наблюдения, касающиеся данной проблематики⁵. Наиболее привлекательным для исследователей стал новгородский былинный герой Садко.⁶ Между тем истоки

---

¹ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. М.; Саратов, 1924; Путилов Б. Н. 1) Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 168, 173; 2) Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976. С. 228, 233; Азбелев С. Н. 1) Эпос и история (один из теоретических аспектов) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1981. Т. 20. С. 3—9; 2) Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

² Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. М., 1974. С. 30.

³ Веселовский А. Н. 1) Историческая поэтика. Л., 1940. С. 492; 2) Из лекций по истории эпоса / Публикация В. М. Гацака // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 292—294.

⁴ См., например: Марков А. В. Бытовые черты русских былин. М., 1904; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; Лунец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969; Путилов Б. Н. Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. СПб., 1999.

⁵ Рабинович М. Г. Средневековый русский город в былинах // Советская этнография. 1986. № 1. С. 116—124; Перхавко В. Б. 1) Торговый мир русского Средневековья в былинах // Отечественная история. 2007. № 6. С. 28—39; 2) История русского купечества. М., 2008. С. 425—453.

⁶ Аксаков К. Садко-купец («Звонкие струны у Садки-купца!») // Album de madame Olga Kozlow. М., 1883; Веселовский А. Н. Былина о Садке // ЖМНП. 1886. Ч. 248, № 12; Лунец Р. Местные мотивы в былинах о Садко у М. С. Крюковой и других сказителей // Былины М. С. Крюковой. М., 1941. Т. 2.

былин (старин, старинок), передававшихся из поколения в поколение народными сказителями и записанных в XVII—XX вв., восходят к далеким временам Средневековья и отражают кое-какие реалии торгового быта даже древнерусской эпохи. Рассмотрим в рамках данной статьи три взаимосвязанные проблемы: 1) в какой степени образная картина, сложившаяся в фольклоре, соответствует письменным свидетельствам о старинном русском купечестве и торговом быте; 2) можно ли использовать произведения устного народного творчества в качестве самостоятельного и полноценного источника по истории торгового мира допетровской Руси; 3) определение на примере данной темы временных и жанровых особенностей памятников фольклора (былин, исторических песен, преданий), выявление в них типичного и нетипичного, ранних пластов и позднейших наслоений, а также связей с литературными произведениями. Предпринятый нами сравнительный анализ фольклорной информации и исторических реалий практически не требует подробного рассмотрения жанровой специфики, сюжетной композиции, поэтики, сказочных эпических элементов, обрядовой семантики былин, уводящих в сторону от основной нити исследования.

БЫЛИННЫЕ ГЕРОИ И СЮЖЕТЫ

Какой же образ средневекового купца сформировался на протяжении столетий в русском эпосе? Прежде всего в нем запечатлелась связь кое-кого из богатырей с купечеством, а гостей — с богатырским миром. В одной из былин Катерину Микуличну, жену Добрыни Никитича, якобы погибшего на Куликовом поле, сватают «за того ли гостя торгового, за того ли Алешу Поповича».⁷ Богатырь Добрыня Никитич, согласно былинам, происходил из Рязани (по иной, менее распространенной версии — из Казани), из семьи богатого гостя.⁸ Но жизнь его связана не с родным городом. В былине «О Добрыне Микитьевиче» герой после приключений просит:

Ой вы гости, вы гости, корабельщики,
Увезите меня в стольный Киев-град,
Довезите к родимой матушке.⁹

В былине «Иван Гостиный сын», возникновение которой Б. А. Рыбаков датировал домонгольским периодом, герой, проявляя удасть молодецкую, лихо скачет на своем коне от Киева до Чернигова.¹⁰ Как предположил Ю. И. Смирнов, усомнившийся (на мой взгляд, без достаточных оснований) в столь ранней датировке былины, появление в ней среди участников пира у князя Владимира наряду с князьями-боярами и богатырями купцов связано с более поздним закреплением за главным персонажем, который первоначально был богатырем, прозвища «Гостиный сын», что произошло после оформления эпической иерархии.¹¹ По-видимому, в былинах сохранились отголоски тех далеких времен, когда древнерусский воин-дружинник порой одновременно выступал в роли торгового человека, сбывчика дани на международных рынках.¹²

⁷ Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. С. 278, 279.

⁸ Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 28; Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск, 1991. С. 62, 79 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока); *Скрыбыкина Л. Н.* Былины русского населения северо-востока Сибири. Новосибирск, 1995. С. 20.

⁹ *Скрыбыкина Л. Н.* Былины русского населения... С. 13.

¹⁰ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 200—203. Б. А. Рыбаков, впрочем, не видел в герое этой былины никаких купеческих черт. См.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 130, 131.

¹¹ *Смирнов Ю. И.* Былина «Иван Гостиный сын» и ее южнославянские параллели // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1968. Т. 11. С. 57—59.

¹² Подробнее о древнерусских воинах-торговцах IX—X вв. см.: *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 68—91.

Такая военно-торговая активность периода раннего Средневековья хорошо представлена в исландских сагах, повествующих об эпохе викингов VIII—XI вв. Самые ранние их записи относятся к середине XII в. Норвежский конунг Олав Трюггвассон после длительного пребывания на Руси («в Гардарике») в конце X в. отправился со своими воинами пиратствовать на Балтику, где разграбил остров Борнхольм и предпринимал нападения на другие владения датчан. Через несколько лет Олав совершил поездку в Византию (по другой версии — в Рим), где представлялся всем как норвежский купец и принял христианскую веру. Спустя некоторое время его корабли приплыли к берегам Англии. Там на вопрос Сигурда, правителя одной из областей (Нортумберленда), он отвечает, «что его зовут Али Богатый, что он купец и пришли мы все из Гардарики (то есть из Руси. — В. П.)». После этого Олав и Сигурд вступили в торговое товарищество и совершили вместе ряд экспедиций.¹³

В «Саге об Олаве Трюгвассоне» из сборника «Круг земной» помещен рассказ об одном богатом скандинаве: «Лодином зовется человек, родом из Вика (Норвегии. — В. П.), богатый и родовитый. Он часто бывал в торговых поездках, а иногда — в военных походах. Однажды летом Лодин отправился в торговую поездку в Аустрвег (Восточный путь. — В. П.). У него был один корабль и много товара. Он держал путь в Эйтланд и был там в торговом месте летом. И когда был рынок, туда привозили всякого рода товар. Там продавали много рабов».¹⁴

Вот еще пример деятельности воинов-купцов в одном лице из «Саги об Олаве Святом». Три компаньона — Карли, его брат Гуннстейн и Торир Собака поехали торговать в сказочно богатый легендарный Бьярмаланд (Бьярмию) у побережья Белого моря. Закупив где-то на Северной Двине дорогостоящую пушнину и возвращаясь на корабле обратно, они, по-видимому, решили, что прибыли от мирной торговли недостаточно, и, вновь сойдя на берег, пробрались через дремучие леса к особо почитаемому святилищу местного божества Йомали, которому бьярмы приносили в качестве пожертвований самые ценные вещи. Недавние купцы, легко превратившись в разбойников, ограбили языческое капище и едва унесли ноги от разъяренных местных жителей.¹⁵

В «Саге о Ньяле» описывается столкновение исландских купцов с пиратствующими удалцами из Шотландии: «Викинги стали стрелять в них, и начался бой. Торговые люди храбро защищались. Снекольв бросился на Олава и проткнул его своим копьём. Грим с такой силой ударил Снекольва копьём, что тот упал за борт. Тут Хельги встал рядом с Гримом, и они прогнали с корабля всех викингов».¹⁶ Сказители уже отличают профессиональных торговцев от удалцов-викингов, более организованных, сплоченных, лучше вооруженных и умевших хорошо сражаться. Но и для скандинавских воинов-дружинников торговля являлась обычным занятием. «Одного человека звали Торир Ездок в Англию. Он много торговал и подолгу плавал в разные страны и привозил конунгу сокровища. Торир был дружинником Харальда конунга и очень старым человеком», — повествуется в исландской саге «О Халльдоре, сыне Снорри».¹⁷

Приведенных выше свидетельств вполне достаточно, чтобы признать абсолютными справедливыми слова историка-медиевиста А. Я. Гуревича о том, что в эпоху викингов «торговля и грабеж шли рука об руку».¹⁸ Действительно, торговые экс-

¹³ Джаксон Т. Н. 1) Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 138—140, 151, 163; 2) Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000. С. 15—49.

¹⁴ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X—XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы (до 1994 г.: Древнейшие государства на территории СССР): Материалы и исследования (далее — ДГ). 1988—1989 гг. М., 1991. С. 136.

¹⁵ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994. С. 75—78.

¹⁶ Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 285.

¹⁷ Там же. С. 537.

¹⁸ Гуревич А. Я. Средневековый купец // Одиссей: Человек в истории. Личность и общество. М., 1990. С. 98.

педиции средневековых воинов-купцов нередко превращались в военные набеги, и наоборот. От неожиданных нападений таких воинственных грабителей-торговцев с весами и мечом не могло уберечься население ни Англии, ни Франции, ни Древней Руси. Порой невозможно было жителям сразу разобраться, в каком качестве неожиданно появлялись викинги в чужих краях. За такими ошибками обычно следовала неминуемая жестокая расправа. Продолжателем Англо-Саксонской хроники рассказывается о печальных для британцев событиях 789 г., когда в Дорсет приплыли три корабля с норвежцами на борту. Местный правитель Беадужеард посчитал их мирными купцами и вышел им навстречу с небольшой свитой, собираясь пригласить в свою усадьбу, но был вероломно убит викингами, разграбившими все окрестности. Очевидно, ранее они там бывали как торговцы.¹⁹

Но в отличие от омываемых морями западноевропейских стран, у побережья которых викинги появлялись внезапно на быстроходных кораблях, на востоке Европы им приходилось пробираться в глубь материка по водно-волоковым путям, проходившим через огромные лесные пространства. Здесь выставлявшиеся дозоры могли заранее предупредить своих соплеменников о приближении незваных чужеземцев. В подобных случаях скандинавы, обладая военным перевесом, обнажив мечи, все-таки нападали и грабили местных жителей, а при иных обстоятельствах, сняв с пояса миниатюрные складные весы, приступали к торговле с ними. Трюк с быстрым перевоплощением воинов в купцов и, наоборот, купцов в воинов часто использовался ими для обеспечения внезапности нападения.

Древнерусские книжники XI в. имели неплохое представление о военной тактике скандинавов, использовавших для неожиданных захватов хорошо укрепленных городов хитроумные приемы с переодеванием и обманом жителей. Согласно народному преданию, помещенному в Повести временных лет под 882 г., воевода Рюрика Олег вместе с юным Игорем и дружиной варягов приплыл из Новгорода к Киеву, покорив по пути ряд восточнославянских племен. Критически оценив свои силы, варяжский предводитель не стал с ходу штурмовать хорошо укрепленный центр поляна, а решил прибегнуть к военной хитрости. Незваные пришельцы остановились в урочище Угорском под Киевом, спрятали в ладьях большую часть воинов, а сами «притворились гостями», то есть купцами, направляющимися торговать «в греки» (Византию).²⁰ Как повествуется далее в легенде, киевские князья Аскольд и Дир (в действительности кто-то один из них), ничего не подозревая, спустились к берегу, чтобы встретиться с заезжими торговцами и посмотреть на привезенные товары. Так, усыпив бдительность киевлян, Олег вероломно убил их правителей и сам стал княжить в Киеве. В результате произошло объединение Северной и Южной Руси в составе единого государства, установившего полный контроль за важнейшей торговой артерией — путем «из варяг в греки». Без сомнения, перед нами не просто фольклорный мотив, а реальная деталь раннесредневекового быта. Но в действительности все обстояло гораздо сложнее, чем сохранила народная память. И Вещий Олег явно захватил Киев не только с помощью коварства, но и опираясь на поддержку части киевлян, которые, по-видимому, были недовольны попыткой христианизации, предпринимавшейся при Аскольде и Дире после их похода 860 г. на Константинополь.²¹

Место возникновения этой легенды — Киев, древнерусским же книжникам XI—XIII вв., проживавшим в Новгороде, далеко не все в ней было достаточно ясно. Поэтому в ее северном варианте, помещенном в Новгородской первой летописи младшего извода, Олег с Игорем ошибочно названы «творящаяся подугорьскими гостями» по причине незнания летописцами топографии древнего Киева, а точнее, располагавшегося на его территории Угорского урочища у Днепра, где обыч-

¹⁹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Норманны и варяги: Образ викинга на Западе и Востоке Европы // Славяне и их соседи: этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 54—57.

²⁰ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 16, 17.

²¹ Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 133.

но останавливались купцы и где обнаружены два клада куфических дирхемов.²² И хотя еще А. А. Шахматовым доказано, что Новгородская первая летопись включает Начальный свод конца XI в., предшествовавший по времени созданию Повести временных лет, в данном случае новгородский книжник при переписывании текста явно допустил искажение информации.²³ Причем термин «подугорские» для новгородцев означал «прибывшие из области расселения северо-восточных угров», располагавшейся между реками Печора и Обь, откуда Новгород Великий с XI—XII вв. получал самые ценные сорта пушнины.²⁴

Сию ошибочную версию подхватили средневековые русские книжники эпохи Василия III и Ивана Грозного, участвовавшие в составлении Никоновской летописи, включившей в себя летописный свод 1518 г. Исходя из представлений XVI в. о достоинстве государя Руси и придворном церемониале, они не могли вообразить правителей Киева выходящими из своего дворца к пристани для встречи с какими-то купцами. Так родилась и литературно оформилась идея о мнимой болезни варяжского вождя Олега, чтобы хоть как-то оправдать выход к нему князей Аскольда и Дира. Приплывший по Днепру с войском и княжичем Игорем варяжский вождь «притворился больным, лежа в ладье», а посему «послал к Аскольду и Диру, говоря: „Гость я подугорский и иду в Греки от Олега князя и от Игоря княжича, и ныне болен, и имею много крупного и дорогого бисера (речного жемчуга. — В. П.) и всякого узорочья“». ²⁵ Далее, согласно Никоновской летописи, коварный варяг попросил киевских князей прийти к нему для тайной беседы с глазу на глаз. Последние вскоре явились в сопровождении небольшой охраны и были вероломно убиты. Но то, что не соответствовало понятиям XVI в., было вполне допустимо восьмью столетиями ранее, когда правитель мог, не роняя своего достоинства, выйти со свитой на пристань или торг для встречи с бывалыми людьми, заморскими гостями, осмотра привезенных диковинных товаров.

В подтверждение сказанного приведу одно место из «Кудруны» — немецкой эпической поэмы XIII в., автор которой широко использовал более древние сюжеты героического эпоса германских народов. Король Дании Хетель послал на кораблях своих верных рыцарей во главе с Вате и Фруте к берегам Ирландии, повелев привезти для себя красавицу невесту, дочь тамошнего правителя Хагена, резиденция которого находилась в замке Балиан. Чтобы ввести в заблуждение ирландского короля относительно истинных целей своего приезда, датчане решили предстать перед ним в обличье купцов, спрятав часть воинов на корабле:

Они сошли на берег, сложили на песок
 Все, чем людей пленяет и Запад, и Восток.
 Богаты были гости: не издержав и марки,
 Лишь собственным товаром наполнили доверху барки.
 Их шестьдесят иль больше, честным купцам под стать,
 В раскинутых палатках осталось торговать,
 Начальником над ними был смелый Фруте сделан,
 Датчанин был всех краше, и лучшее платье надел он.
 Владелец Балиана, поверивши вестям,
 Решил к таким богатым наведаться гостям,
 Он выехал на берег с дружинниками вместе,
 А мнимые торговцы правителя встретили с честью.²⁶

В день отъезда, когда Хаген вновь пришел полюбоваться на «редкостный товар», а его супруга и дочь — на яркое убранство главного корабля, датские витязи

²² ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 107.

²³ См. обоснование этого мнения: Перхавко В. Б. Летописное предание о захвате князем Олегом Киева в 882 г. // Образование древнерусского государства: Спорные проблемы: Тез. докл. М., 1992. С. 56—60.

²⁴ Подробнее см.: Перхавко В. Б. Пушнина в древнерусском товарообмене (IX—XIII века) // Отечественная история. 1999. № 5. С. 167—170.

²⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. 15.

²⁶ Кудруна / Изд. подгот. Р. В. Френкель. М., 1984. С. 52—79.

спешно подняли якоря и увезли, предварительно сговорившись, Хильду к своему повелителю.

Сей хитроумный трюк запечатлен и в древнеисландской «Саге об Эймунде», которая отражает междоусобную борьбу Рюриковичей в начале XI в. после смерти Владимира Святославича. Ее герой во главе отряда викингов поступил на службу к князю Ярицлейву (очевидно, Ярославу) и отправился с его молчаливого согласия убивать Бурицлейва (то ли Бориса, то ли Святополка). Эймунд с одиннадцатью воинами-наемниками выехали, «снарядившись, как купцы, и не знали люди, что значит эта поездка и какую они задумали хитрость». На сей раз из предосторожности они «взяли с собой еще одного коня и на нем везли свое боевое снаряжение».²⁷ Хотя по внешнему виду воинов и торговцев того времени нельзя было в общем-то отличить, но живший позднее автор саги (записана она была не ранее XIII в.) мог этого не знать. Напав ночью на лагерь Бурицлейва, варяги расправились с ним и отрубленную его голову принесли князю Ярицлейву.

Сюжет сам явно основан на реальных событиях и знании особенностей военной тактики викингов. Такой прием использовался не раз на Руси и в более поздние времена. Зимой 1446 г. с целью обмануть дозорных Василия II воины его противника, князя Ивана Можайского, на подступах к Троице-Сергиеву монастырю спрятались под рогожей в санях, будто грузенных товаром (войлоком и камышом), а затем, неожиданно выскочив из них, легко обезоружили охрану московского великого князя, что помогло им затем застать врасплох его самого и пленить (свидетельство Симеоновской летописи).²⁸

Точно таким же образом поступили в 1637 г. донские казаки, согласно «сказочной» повести о взятии Азова, создатель которой явно использовал древнерусскую литературную традицию: «И повеле атаман по четыре человека летчи с оружием, и сказал им (то есть казакам): „Как будет время, и вы будете готовы“. И увяза телеги, а в тридцать телег товару повеле положить, и приставил ко всякой телеге по человеку — итого сто тридцать человек. И снаряди атаман все возы и всех казаков нарядил в другое платье». Имея на руках подложное письмо к азовскому паше, под видом купеческого каравана удалцы беспрепятственно проникли в Азов, где ночью внезапно напали на проявивших беспечность турок и захватили город. Впрочем, в отличие от «сказочной» в «исторической» повести о взятии Азова, основанной на реальных фактах, этот фольклорный сюжет отсутствует.²⁹

Описания перевоплощения купцов в воинов можно встретить в немецких средневековых поэмах «Ортнит» (до 1250 г.) и об Елиге. Ортнит (соответствует имени Гертнит из исландской «Саги о Тидреке Бернском») с помощью такой хитрости добывает невесту, а Елиг захватывает город Монтабур.³⁰ Аналогичный фольклорный мотив, основанный, впрочем, на определенных реалиях торгового быта в старину, известен в литературных памятниках многих других народов мира — древних египтян, греков, римлян, иранцев, арабов и других. Как предположил известный скандинавист А. Стендер-Петерсен, он пришел на Русь из Византии при посредничестве варягов, но нельзя исключить и его местную, восточноевропейскую подоснову.³¹

Согласно одной из версий, новгородский гусяр Садко, до того как стал богатым купцом, гулял по Волге 12 лет, подобно речным пиратам-ушкуйникам.³² По мнению Б. Н. Путилова, в былинном образе Садко, полностью вымышленного персонажа, не имеющего исторического прототипа, «запечатлелись характерные

²⁷ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв.: Материалы и исследования. М., 1978. С. 98.

²⁸ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 197.

²⁹ См.: Орлов А. С. Сказочные повести об Азове и «История» 1135 года: Исследование и текст. Варшава, 1906. С. 202—205; ср.: Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 87—90; Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1996. С. 61—63.

³⁰ Орлов А. С. Сказочные повести... С. 208—213; Deutsches Heldenbuch. Berlin, 1871. Bd. III: Ortnit. S. 40—63.

³¹ Stender-Petersen A. Die Varagersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934. S. 105—126.

³² Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. С. 175, 176.

черты новгородского общества XII—XV веков»; в нем также чувствуется «богатырское начало — только выражается оно не в воинских подвигах», «в нем преломилась вера людей Древней Руси в наличие таинственной власти над человеком и в то, что человек, поступая *правильно*, пройдет свою жизнь достойно».³³ Купеческое происхождение имеют еще два богатырских персонажа русского народного эпоса: «Суroveň богатырь, Суздадец, богатого гостя Заморенин сын» и Чурила Пленкович, сын старого Пленка Сароженина. Составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль застал употребление в сфере торговли таких ныне мало кому понятных терминов, как «суровской (сурожской) товар», «суровской (сурожской) ряд». Реже использовалось слово «суруга», обозначающее купца, торговавшего в розницу «суровским» (то есть шелковым) товаром.

Слово «сурожский» давно проникло в русский язык: с XIV в. летописцы называют Азовское море (иногда вместе с Черным морем) Сурожским и упоминают о пребывании в Москве с 1357 г. гостей-сурожан. Этот специфический термин происходит от русского названия «Сурож» когда-то знаменитого торгового центра Крыма — Судака (так называли город восточные люди), или древней Сугдеи (Солдайи). В купеческой среде Москвы во второй половине XIV в. выделилось привилегированное объединение гостей-сурожан, привозивших дорогой шелк, красители, ковры, пряности и прочие экзотические товары из Сурожа (совр. Судака), Кафы (Феодосии), Константинополя, Малой Азии и даже далекой Италии. Они получали большие прибыли и пользовались значительными привилегиями. Древнейшее упоминание об их пребывании в Московском княжестве Рогожский летописец приводит под 1357 г.: «А на Москву приходил посол силен из Орды Ирынъчеи на Сурожане».³⁴ В Никоновской летописи это событие записано под 1356 г. в ином варианте: «Того же лета прииде на Москву из Орды Ирынчей и с ним гости-сурожане».³⁵ По более достоверной версии Рогожского летописца, золотоордынский посол приходил в Москву с жалобой на действия сурожан. Очевидно, далеко не последнюю роль в возвышении гостей-сурожан сыграло выполнение ими дипломатических и торговых поручений московских великих князей и родовитого боярства, весьма заинтересованных в сбыте излишков своих натуральных доходов в обмен на дорогостоящие заморские товары. Сурожанами их называли только в летописных источниках, а в актовых документах Московской Руси XIV—XV вв. они обычно именовались гостями. Гости-сурожане были весьма заинтересованы в сохранении хороших отношений и с золотоордынскими властями, и с итальянской (а с 1475 г. — турецкой) администрацией Кафы.

Образ удачливого и предприимчивого купца, торговавшего с Сурожем, надолго запечатлелся в памяти народной. Былинный русский богатырь Чурила Пленкович, сын старого Пленка Сароженина (то есть сурожанина), дарит князю Владимиру из своих подвалов «золоту казну, сорок сороков черных соболей, другую сорок пещерских лисиц, камку белохрущету (одноцветную шелковую ткань. — В. П.)».³⁶ Как видим, сказители былины, передавая их из поколения в поколение, исключительно точно описывали ассортимент товаров купцов-сурожан (пушнину, шелк). Чурила Пленкович, стремясь задобрить не только киевских бояр, но и купцов, «дарил все куницами». По мнению ряда исследователей, песня о Чуриле Пленковиче, который, воспользовавшись пребыванием старого купца Бермяты на церковной службе, забавлялся с его женой, напоминает «чистую балладу».³⁷

³³ Путилов Б. Н. Древняя Русь в лицах. С. 169, 170, 173.

³⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 65. Более подробно об этой привилегированной группе московского купечества см.: Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.; Л., 1935; Перхавко В. Б. 1) Первые купцы российские. М., 2004. С. 131—144, 151—159; 2) Торговый мир русского Средневековья в былинах. С. 405—410.

³⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 10. С. 228.

³⁶ Ржигла В. Ф. О Чуриле Пленковиче // ИОРЯС АН СССР. 1923. Т. 28. С. 75—83.

³⁷ Протт В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 485; Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Исторические черты в былинах о Чуриле Пленковиче // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1995. Т. 28. С. 147.

А. Н. Веселовский выводил имя былинного богатыря Суровца (именуемого также как Сурог, Суровен) от летописного Сурожа.³⁸ А уточнение сказителями его происхождения (Суровец-суздалец) Веселовский объяснял попросту географическим подновлением в связи с созвучием с Суздалем, более известным в народном эпосе Северной Руси, чем Сурож. Поскольку в былинах преобладают героические сюжеты, гость-сурожанин превратился в богатыря Суровца, разгромившего татарскую рать, в чем также можно увидеть историческое зерно. Ведь монголы в XIII в. не раз (в 1223, 1239, 1253 гг.) нападали на Судак. В отличие от А. Н. Веселовского В. Ф. Миллер, отождествив имя Суровец с именем богатыря Саура Сауровича или Ванидовича, на мой взгляд, безосновательно считал, что появление в былинах антропонима «Суровец» связано не с гостями-сурожанами, происходившими из Сурожа, а с характерным для эпоса искажением названий.³⁹

Именно с сурожанами связано начало строительства белокаменных купеческих палат на Руси в конце XV в., когда в Московском Кремле их возвели гость Таракан и ставшие великокняжескими казначеями Ховрины, которые происходили из сурожан. Более массовое строительство жилых домов из камня и кирпича богатыми купцами развернулось в городах России (особенно в Москве, Пскове, Новгороде Великом, Нижнем Новгороде) только с XVII в.⁴⁰ Вопреки приведенной ниже фольклорной информации ни в Южной, ни в Северной Руси в домонгольскую эпоху купцы не возводили дома из камня и кирпича. Киевский богатырь Иван Годенович просит князя Владимира, Илью Муромца, Алешу Поповича, Добрыню Никитича и Василия Казимировского:

Съездите вы во Чернигов-град,
 Съездите вы на широкий двор
 Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,
 Посватайтесь Настасью Митреевишну!
 И богатыри вместе с князем Владимиром, прискакав в Чернигов,
 Хоходили во светлую светлицу,
 В тое палату белокаменну,
 Поклон ведут по-ученому,
 И сами говорят таковы слова:
 — Здравствуй, Митрей, гость-купец!⁴¹

Фольклорная торгово-купеческая терминология несколько отличается от терминов, использовавшихся в древнерусской литературе и официальном делопроизводстве средневековой России. Только в произведениях устного народного творчества можно встретить упоминания о «гостях-корабельщиках», «купцах-гостях», «купцах торговых», «гостях торговых», «купчинушках», об ограблении «купчиков купцов торговых».⁴² По свидетельству англичанина Г. Лэйна (после 1583 г.), русские называли приезжих английских коммерсантов «гости корабельские (ghosti sarabelski)».⁴³ Термин «гости-корабельники» («гости-корабельщики», «гости-корабельницы») не позже начала XVII в. проник и в переводную «Повесть о Бове Королевиче», тесно связанную с русским фольклором и напоминающую богатырскую сказку.⁴⁴ Былинный герой Иван Годинович, поклонившись на все стороны,

³⁸ Веселовский А. Н. Богатыри Сурожцы // Веселовский А. Н. Южнорусские былины. СПб., 1881. С. 77.

³⁹ Миллер В. Ф. Былины о Сауре и сродные по содержанию // ЖМНП. 1893. № 10. С. 475.

⁴⁰ См.: Перхавко В. Б. 1) Московские купцы-строители XV века // Отечественная история. 1997. № 4. С. 10–13; 2) Первые купцы российские. С. 161–198.

⁴¹ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 124.

⁴² Миллер В. Ф. К былинам о князе Володимировиче // ЖМНП. 1903. Июнь. С. 308, 310; Былины / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1986. С. 305, 322.

⁴³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2006. С. 348.

⁴⁴ См.: Памятники литературы Древней Руси. М., 1988. XVII век. Книга первая. С. 279–280, 641–642.

Дмитрию — гостю торговому в особину,
И сам говорит таково слово:
«Здравствуешь, Митрий — гость торговый!»⁴⁵

В одном из вариантов былины «Алеша Попович и Змей Тугарин» Тугарин Змеевич, собирательный образ которого олицетворяет кочевников-завоевателей, покорив Киев, взял в плен «всех купцов-гостей».⁴⁶

Зачем же сказителям былин понадобилось давать такие двойные определения, как «купцы-гости» и «купцы торговые»? Дело в том, что к XVI в. наименование «купец» в официальном делопроизводстве утвердилось в ином, чем прежде, значении. С конца XV в. в актах и законодательных памятниках Московского государства (Белозерской уставной грамоте 1488 г., Белозерской таможенной грамоте 1497 г., Судебнике 1550 г., Соборном уложении 1649 г. и др.) термином «купец» стали также обозначать любого покупателя товаров и недвижимости.⁴⁷ В конце XV — начале XVIII в. термин «купец» имел два значения: 1) профессиональный торговец (в летописях, исторических повестях и сказаниях, агиографических сочинениях, художественной литературе); 2) покупатель в сочетании с антонимом «продавец», что характерно для законодательных и актовых источников. И это второе значение слова «купец» вошло с конца XV в. прежде всего в таможенное делопроизводство, а затем и в законодательные документы по одной простой причине: в лексике русского языка до XVIII в. отсутствовало существительное «покупатель», хотя и употреблялся ряд других слов, образованных от корня *куп* при помощи приставки *по-*: *покуп* в значении «купля, покупка» — XII—XIII вв., *покупати* или *покупити* — с XIII в., *покупочный* — с XVI в., *покупка* — с XVII в.⁴⁸ В результате ко второй половине XV в. созрела почва для внедрения в язык законодательных памятников и актовых документов антонимической пары «купец—продавец». Впервые она появилась в Белозерской уставной грамоте 1488 г. В противном случае одного из участников любой торговой сделки пришлось бы обозначать словосочетанием «человек купивший» либо «покупающий человек», что было не очень удобно.

В различных актовых документах XVI—XVII вв. за понятием «купец», как правило, скрывается не профессиональный торговец, а вообще покупатель, в том числе земли, скота. В таможенных уставных грамотах (с XVI в.) и таможенных книгах XVII в. «купцами» записывали покупателей товара, а их контрагентов — «продавцами».⁴⁹ Лишь с середины XVIII в. в делопроизводстве купцами стали обозначать прежде всего профессиональных торговцев, входивших в купеческое сословие. А до этого сказителям на протяжении XVI—XVII вв. приходилось подчеркивать принадлежность былинных персонажей-купцов к миру торговцев-профессионалов. Итак, термин «торговые купцы», очевидно, проник в фольклор в конце XV — начале XVIII в., когда в официальных документах словом «купец» обозначали любого покупателя.

Что же касается «гостей-корабельщиков» и «гостей торговых», то эти былинные словообразования могли появиться как до, так и после 1728 г., когда прекратили существование старые привилегированные купеческие корпорации, включавшие гостей и членов Гостиной сотни.⁵⁰ На протяжении последующих десятилетий XVIII в. термины «гость», «гостиный сын» применительно к купечеству уходят из

⁴⁵ Былины / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примечания Б. Н. Путилова. С. 205.

⁴⁶ *Скрыбыкина Л. Н.* Былины русского населения северо-востока Сибири. С. 79.

⁴⁷ Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 171, 173, 372, 402, 406; Соборное уложение 1649 г. Л., 1987 (Гл. X. Ст. 209, 244; Гл. XVII. Ст. 13, 34; Гл. XVIII. Ст. 15; Гл. XXV. Ст. 11).

⁴⁸ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1990. Вып. 16. С. 185—186.

⁴⁹ Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. М., 1983. Ч. I—III; *Кустерев С. Н.* Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003 (Материалы для истории таможенного дела в России XVI—XVII веков; Т. 1). С. 47, 168.

⁵⁰ См. подробнее: *Аксенов А. И.* Положение и судьбы гостей в конце XVII — XVIII в. // Проблемы отечественной истории. М., 1973; *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 186—204.

употребления, под словом «гость» стали подразумевать лишь человека, пришедшего (приехавшего) в гости.

Но в ряде исторических песен (например, в былинах о Садко, «Константин Саулович»), как и в письменных источниках, применительно к торговым людям используются термины «купец», «гость».⁵¹ Героиня былины «Михайло Казарин и сестра», вызволенная богатырем из татарского плена, заявляет о себе:

Я из города да я Флоринского,
Я отца купца Петра богатого,
Уж я маменьки Катерины я Ивановной
(в другом варианте былины:
Была я дочи гостиная,
Из Волынца города из Галичья,
Молода Марфа Петровична).⁵²

Совершив терминологический экскурс, вернемся к социальной характеристике купечества, отраженной в памятниках фольклора. В эпосе подчеркивается близость торговых людей к правителю, на что уже обращалось внимание в литературе.⁵³ У короля Ячмана «було два гостя богатые, королевские два племенника».⁵⁴ Купцы непременно присутствуют на великокняжеских пирах, о чем повествуется, к примеру, в зачине былины о Дунае:

В стольном городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Было пированьице, почестен пир
На многих князей, на бояр,
На могучих на богатырей,
На всех купцов на торговых,
На всех мужиков деревенских.⁵⁵

В былине «Алеша Попович и Змей Тугарин» описывается такой же пир, на котором «гости купеческие», выступая в роли поручителей в споре, дают в заклад свои корабли.⁵⁶ Кстати, система поручительства одних людей за других, отправлявшихся торговать за границу либо бравших на откуп государевы кабаки, таможни и пр., широко распространилась в России в более поздний период, в XVI—XVII вв. Купцы пируют и во дворце цареградского царя Василия Окуловича (былина «Царь Соломан и Василий Окулович»)⁵⁷

Новгородский былинный герой Садко, разбогатеv и женившись, возвел себе «палаты белокаменны» и сам приглашал на пир «всех своих купцев богатых новгородских <...> всех-то господ он своих новгородских».⁵⁸ Можно согласиться с мнением Б. А. Рыбакова о том, что сцены с описанием хвастовства Садко на пиру или у храма после праздничной службы характерны для «эпохи расцвета боярско-купеческого слоя в XIV—XV вв. в Новгороде Великом».⁵⁹

Именно в пьяном угаре чаще всего проявлялась одна из черт зажиточного купечества — хвастовство:

Купцы менитые, гости торговые,
И все были они на пиру пьяные все,

⁵¹ Былины / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. С. 179, 269—285.

⁵² Там же. С. 185, 190.

⁵³ Марков А. В. Бытовые черты русских былин. С. 29—30.

⁵⁴ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 112.

⁵⁵ См.: Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 114.

⁵⁶ Эта деталь имеется не во всех вариантах былины. Ср.: Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 88; Былины / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. С. 73—77.

⁵⁷ Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. СПб., 2001. Т. 2: Былины Печоры. № 272. С. 307, 308.

⁵⁸ Былины / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. С. 273.

⁵⁹ Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 261—262.

И все они напивались, наедались и порасхвастались:
 Умной похвастал матерью,
 А безумной похвастал молодой женой,
 А иной похвастал золотой казной,
 Иной похвастал именем-богатесью
 (былина «Иван Гостиный сын»)⁶⁰.

В исторической песне, возникшей не ранее конца XVI в., повествуется:

Царь Иван Грозный созвал пир:
 А пир идет про князей — про бояр,
 Про вельможи, гости богатые,
 Про тех купцов про сибирских.⁶¹

Гораздо позже, в XVII в., на званых обедах у патриарха и великого государя Филарета Никитича (в том числе с участием царя Михаила Федоровича) и царя Алексея Михайловича можно было встретить именитых русских гостей.⁶² По наблюдениям ученого и путешественника из Голштинии Адама Олеария, воеводы уездных городов устраивали два-три раза в год пиршества для богатых купцов с целью получения от них дорогих подарков.⁶³ Олеарий не раз упоминает также об участии самых знатных торговых людей в приемах послов при царском дворе и в прочих публичных церемониях в присутствии царя (например, во время праздника Входа Господня в Иерусалим — в Вербное воскресенье).⁶⁴

Народная память запечатлела целый ряд дорогих товаров, привозившихся купцами на Русь из стран Западной Европы и Востока: «во Чернигове вина заморские, вина заморские да заборчивые»; «шляпа сорочинская Греческой земли»; «хрущатая камка» (шелковая ткань); «белый шемаханский шелк»; «скурлат-сукно»; «стамет» (разновидность сукна); «багрецовые сукна»; «зелен сафьян»; «слоновая кость»; «скачной жемчуг»; яхонты и прочие драгоценные камни. В былинах нередко упоминаются и традиционные предметы древнерусского экспорта: «дорог рыбий зуб» (моржовая кость); «соболиная шуба»; «сорок сороков — сорок черных соболей»; меха куницы и лисицы; сибирский черный соболь. Один из эпических персонажей Чурила Пленкович носил «шубу ту купеческу».⁶⁵

Когда в Киев приплывают тридцать кораблей «славнова гостя богатова», «молота Соловья сына Будимеровича», он «подносит князю свое дороги подарочки: сорок сороков черных соболей, второе сорок бурнастых лисиц; княгине поднес камку белохрущету»⁶⁶. А князь Владимир предлагает ему для проживания «дворы княженецкия (...) боярския (...) и дворянския». Багрецовыми сукнами и другими ценными заморскими товарами полон дом былинного героя Дюка Степановича.⁶⁷ Вот перечень товаров, привезенных еще одним былинным героем, Соловьем Будимеровичем:

Ишше разны-ти товары все заморские,
 Разны матери-ти были шелковые,
 Разны атласы были, бархаты,
 Ише находился груз да красно золото,
 Находилось во грузу да чисто серебро,
 Ще ведь было в кораблях камень драгоценный,
 Разны меха были — для зимы-то шить на шубы разные.

⁶⁰ Былины / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. С. 322.

⁶¹ Киреевский П. В. Песни, записанные П. В. Киреевским. М., 1864. Вып. VI. С. 70.

⁶² Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. Приложения. XVI. С. 87, 92, 96.

⁶³ Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию / Пер. с немецкого. М., 1996. С. 210.

⁶⁴ Там же. С. 147, 182, 225.

⁶⁵ Марков А. В. Бытовые черты русских былин. С. 58—67; Плисецкий М. М. Историзм русских былин. М., 1962. С. 216.

⁶⁶ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977. С. 11.

⁶⁷ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 108.

Реже в эпосе можно встретить информацию о предметах внутреннего обмена. В былине «Микула Селянинович» рассказывается о поездках крестьян за солью в город:

Я недавно там был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сту пуд...⁶⁸

Как видим, объем тары (мешков) и приобретенной соли, стоившей в эпоху Средневековья гораздо дороже, чем сейчас, явно преувеличен. У рядовых горожан и сельских жителей не было средств для таких закупок, а из-за резкого повышения цен на соль торговцами-спекулянтами и откупщиками не раз происходили народные волнения (например, в Киеве в 1113 г., в Москве в 1648 г.).

Направления поездок былинных героев отчасти совпадают с торговыми маршрутами средневековых русских купцов: от Киева, Чернигова, Великого Новгорода, Муром, Галича до Царьграда, Корсуня, Литвы, Золотой Орды, Араратских гор, «Бухарского царства», «Греческой земли», «земли Ляховецкой» (Польши), «земли Поморьянской», «Венецкой земли» и Индии. Они плавают по Волге, Днепру («Непру-реке»), Волхову («Волх-реке»), Неве, Дунаю, Бело-озеру, Ладожскому озеру, озеру Ильмень, Балтийскому (Варяжскому), Каспийскому, Черному («Турецкому») морям. Часть указанной выше географической номенклатуры заимствована из Библии, многие топонимы и гидронимы проникли в народный эпос еще в домонгольскую эпоху, а некоторые (к примеру, Астрахань, Вологда, Казань, Кострома) — в XIV—XVI вв. Но в маршрутах поездок былинных героев нет должной точности и последовательности: Садко, к примеру, может ехать в Золотую Орду из Новгорода через Балтийское море, а не по Волге. «Венецкой землей», откуда приплывает как-то на трех черных кораблях в Киев, «во пристань во купеческу», Соловей Будимирович, сказители, очевидно, называли Венецию.⁶⁹ Былинную «Индию» В. Б. Вилинбахов гипотетически отождествлял не с Индостаном, о котором на Руси до путешествия Афанасия Никитина существовали фантастические представления, заимствованные из переводного «Сказания о Индийском царстве», а с землями поморских славян на южном побережье Балтийского моря (Венедией → Виндией → Индией), где когда-то обитали праславянские племена венеков.⁷⁰ Восточные славяне издавна поддерживали торговые и этнокультурные связи с Южной Прибалтикой, но по отношению к данному региону в эпосе обычно применяется традиционное его название — «земля Поморьянская» («царство Поморское»)⁷¹.

Вести беспрошленную торговлю было естественным желанием любого купца, и лишь с целью заманить царицу Соломанию на свои корабли и украсть ее Ивашка Поваренин, герой былины «Царь Соломан и Василий Окулович», отказывается от предложенных ему торговых льгот:

⁶⁸ См.: Былины / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. С. 98; *Ржига В. Ф.* Микула Селянинович // Известия по русскому языку и словесности. Л., 1929. Т. 2, кн. 2. С. 444—445.

⁶⁹ *Марков А. В.* Бытовые черты русских былин. С. 48—51; *Плисецкий М. М.* Историзм русских былин. С. 187—189.

⁷⁰ *Вилинбахов В. Б.* Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре // *Slavia occidentalis. Poznań*, 1965. Т. 25. S. 155—190.

⁷¹ См.: *Слаский К.* Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими землями в VI—XI вв. // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. 6. С. 61—90; *Херрман И.* 1) Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 191—196; 2) Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 8—128; *Вилинбахов В. Б.* Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. 1980. № 1. С. 79—84; *Перхавко В. Б.* Связи Древней Руси со славянскими странами. М., 1987. С. 44—46; *Лецевич Л.* Балтийские славяне и Северная Русь в раннем средневековье: Несколько дискуссионных замечаний // Славянская археология: Этногенез, расселение и духовная культура славян. М., 1993. С. 144—152 (Материалы по археологии России; Вып. 1).

Не могу быть без дани, без пошлины.
Сходи на насады червлёные, —
На тех на насадах червлёных
Оцени товары заморские.⁷²

Русские торговые люди в былинах плавают на насадах. Киевский князь Владимир Красно Солнышко, в образе которого слились черты главным образом Владимира Святославича и Владимира Мономаха, оказывает милость боярину-ростовщику Ставру («торгуй в нашем городе во Киеве <...> век безпошлинно») и даёт ещё большую привилегию приезжему гостю Соловью Соловьевичу (Будимировичу) не только в Киеве, но и в Чернигове:

В каждом городе торгуй без дани-пошлине,
Хоть в Киеви торгуй, хочь во Серни-горе, —
Везде тебе все воля вольная.⁷³

Согласно Повести временных лет, после похода 907 г. на Царьград Вещий Олег сразу же заключил договор с Византией, согласно которому купцы из Руси получили право беспошлинной торговли — «да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же».⁷⁴ Таможенная пошлина в Византийской империи составляла до 10 % от стоимости вывозимых товаров. А вот по поводу каких-либо налоговых льгот в сфере внутренней торговли Руси в период до XIV в. никаких письменных свидетельств не сохранилось. 1363—1374 гг. датируется тарханная и оброчная грамота великого московского князя Дмитрия Ивановича новоторжцу Евсевке, переселяющемуся в Кострому: «не надобе ему никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осм[нич]ее, ни весчее, ни мыт, ни кости, ни побережное, ни гостиное, ни которая пошлина».⁷⁵ Практика предоставления льгот привилегированным торговцам (и частным лицам, и монастырям) сохранялась и в XVI—XVII вв. В частности, такими жалованными грамотами были наделены: гости-сурожане (и их потомки), переведенные властями в конце XV в. из Москвы в Новгород Великий; «смолянне» («смоляне») — смоленские купцы, переселённые в 1514 и 1525 гг. в столицу России; «московские торговые иноземцы» конца XVI—XVII вв.⁷⁶

В былинне «Глеб Володьевич» прослеживаются отголоски не только походов древнерусских князей на Крым, но и торговли Древней Руси с центром византийских владений в Таврике — Херсонесом (летописным Корсунем).⁷⁷ Но с тече-

⁷² Былины / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. С. 261.

⁷³ Марков А. В. Беломорские былины. СПб., 1901. С. 336; Былины / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. С. 339.

⁷⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 31—32; М., 1998. Т. 2. Стб. 23; В Повести временных лет этот текст включен под 6415 (907) г. как отдельное предварительное соглашение, однако ещё А. А. Шахматов обосновал, что он представляет собой компиляцию из русско-византийского договора 911 (912) г. См.: Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества при императорском Петроградском университете. 1915. Вып. 8. С. 393—400. — Точку зрения А. А. Шахматова поддержал ряд отечественных и зарубежных ученых, но среди историков есть и немало сторонников самостоятельного договора 907 г. См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980. С. 84—89; Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. Подготовил М. Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 417—418, 601 (Лит. памятники).

⁷⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1962. Т. 3. № 238. С. 259.

⁷⁶ Афанасьева В. И. Привилегия как исключительное право в развитии торговли средневековой Руси // Право и политика. 2006. № 12 (84). С. 119—126.

⁷⁷ См. исследования: Марков А. В. Из истории бытового эпоса. III. К былинне о Глебе Володьевиче // Этнографическое обозрение. М., 1904. № 3. С. 1—37; Миллер В. Ф. 1) К былинне о князе Глебе Володимировиче. С. 308—310; 2) Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1910. Т. 2. С. 294—295; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 98—100; Новиков Ю. А. «Глеб Володьевич»: «вымысел» или отражение исторической реальности? // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 193—199; Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев и Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 780; Азбелев С. Н. Походы русских князей на Херсонес в былинной интерпретации // Средневековая Русь. М., 2007. Вып. 7. С. 56—70.

нием времени в ней полнее отразилась торговая жизнь более поздней эпохи второй половины XIII—XVII в., когда наряду с мытом и осмничим, известными еще в домонгольский период, появилось немало новых сборов с купцов: тамга, весчее, мостовое, побережное, явка и другие.⁷⁸ Ее герой Глеб Володьевич (в одном из былинных вариантов, записанном на Мезени, — князь «Лев да сын Володович») отправился за синее море в Корсунь, где правила некая Маринка Кайдаловна, обложившая приезжих торговцев огромными пошлинами:

Да под город подышли — взяла пошлину,
 На рейду зашли — да взяла пошлину,
 На якорь ведь встали — взела пошлину,
 В таможду взошли — да взела пошлину,
 В харчевню взошли — да за харчевен набрала,
 Да правила Маринка тридцать три пошлины.⁷⁹

В их числе фигурируют три пары рукавиц:

Да трое рукавки — три ватюшки,
 Те за рукавки, за ватюшки
 Да было плочена по три тысеци рублей.⁸⁰

Последняя деталь носит отнюдь не сказочный характер, а базируется на исторических реалиях. Из торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом (1229 г.) можно узнать об условиях передвижения с товарами по Каспийскому волоку, между верхним течением Днепра и Западной Двиной, где западноевропейские купцы должны были «тиоуну на вльць дати роукавиць, аж бы товарь пьревьзль».⁸¹ Это подношение одного из предметов импорта имело символическое значение, ведь подчинявшиеся тиуну волочане (люди, обслуживавшие волок) перетаскивали суда по суше в рукавицах. Как предположил Б. А. Рыбаков, толчком к сложению былины «Глеб Володьевич» стали действия в Крыму новгородского князя Глеба Святославича, владевшего в 1064—1065, 1067—1068 гг. Тмутараканью и, по информации В. Н. Татищева, посланного великим киевским князем Святославом Ярославичем в 1076 г. в поход на Корсунь вместе с Владимиром Мономахом.⁸² Со временем фольклорная лексика обогатилась существительным «протаможье» и глаголом «протаможити», известными в древнерусских письменных источниках с XV в. и обозначающими провоз товаров в обход таможи, без уплаты таможенной пошлины, и штрафные санкции за подобного рода нарушения.⁸³

В произведениях фольклора подмечена еще одна особенность организации торговли в средневековом русском городе. Гость Терентий идет в «холщовой (темной) ряд», чтобы приобрести «холщевый (шелковый) мех». В Новгороде Великом холщевый ряд известен по письменным источникам с первой половины XVI в. Садко хранит рыбу на гостином дворе и там же закупает товары новгородские.⁸⁴ Правда, торговые ряды былинные сказители почему-то упоминают только в Новгороде. До последней четверти XVIII в., когда при Екатерине II купцам в 1782, 1785 гг. разрешили держать лавки в своих домах, их профессиональная деятельность, не будучи тесно связанной с домашним бытом, протекала главным образом

⁷⁸ См. публикации этой былины: Былины Севера / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 206—207, 564; Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. СПб., 2004. Т. 4: Былины Мезени. № 195. С. 517.

⁷⁹ Свод русского фольклора. Былины. Т. 4: Былины Мезени. № 195. С. 517.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963. С. 24.

⁸² Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 98—100; Татищев В. Н. История российская. Часть 2 // Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Т. 2. С. 91—92; см. также о князе Глебе Святославиче: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 96—98.

⁸³ Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1995. Вып. 20. С. 247.

⁸⁴ Новгородские былины. С. 151, 177, 311; Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым: В 3 т. / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2002. Т. 1. С. 190.

на торгу, в специализированных рядах, либо на гостином дворе. Даже ценные товары они хранили не только на усадьбах, но и в подклетах каменных патрональных купеческих храмов, являвшихся нередко центрами торговых товариществ.⁸⁵

В народном эпосе сохранились воспоминания о богатых купеческих корпорациях Новгорода Великого. В былине «Садко — богатый гость» говорится о таком товариществе при церкви Св. Николы Можайского:

И будет во Нове-граде
У того ли Николы Можайскова,
Те мужики новгородские
Сходилися на братшину Никольшину,
Начинают пить канун, пива яшныя...⁸⁶

Герой заплатил за прием в «Никольшину братчину» пятьдесят рублей, что соответствует вступительному взносу в Иванское объединение, функционировавшее с XII в. на базе храма Св. Иоанна Предтечи на Опоках. Былинный Садко, построив на свои деньги в Новгороде три храма — «во имя Стефана-архидьякона», «во имя Сафеи Премудрая» и «во имя Николая Можайскова»,

Кресты, маковицы золотом золотил,
Местны иконы вызукрашевал,
Изукрашевал иконы, чистым жемчугом усадил,
Царские двери вызолочевал.⁸⁷

А св. Николай покровительствовал путешественникам и мореплавателям, в том числе купцам. Как тут не вспомнить о купеческих храмах, известных в Великом Новгороде по летописям и другим источникам: уже упоминавшейся выше церкви Св. Иоанна Предтечи; церкви Св. Параскевы Пятницы — покровительницы торговли, возведенной на Торговище 1156 г. на средства заморских «гостей»; церкви Св. Троицы, построенной в 1165 г. купцами, торговавшими с крупным западнославянским поморским центром Щецином!⁸⁸ Правда, в литературе уже не раз подчеркивалось несоответствие названий этих реально существовавших новгородских церквей, связанных с купечеством, и храма из былины о Садко.⁸⁹ Кроме того, Б. А. Рыбаков обратил внимание на то, что былинный герой выстроил в благодарность за свое чудесное избавление в честь св. Николая (Мирликийского, в былинах — Можайского) обыденный храм.⁹⁰

Исполнил он заповедь великую:
Построил он церковь обыденную
Тому же Миколы Всеможейскому;
Кресты-маковичи да золоченыя.⁹¹

В Новгороде Великом и Пскове обыденные церкви строились из дерева с XIV—XV вв. за один день по обету, обычно с целью избавления от мора во время массовых эпидемий, что не раз зафиксировали новгородские и псковские летописцы.⁹²

Образы купцов из народного эпоса, конечно же, носят обобщающий характер. В полной мере им не соответствовал ни один из реальных торговых людей русского Средневековья, хотя в литературе нередко ссылаются на летописные известия о новгородце Содке Сытиниче. Согласно Новгородской первой летописи старшего извода (древнейшая часть Синодального списка середины либо второй половины

⁸⁵ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 41, 42.

⁸⁶ Новгородские былины. С. 177, 178.

⁸⁷ Там же. С. 178, 179.

⁸⁸ Подробнее см.: Перхавко В. Б. Торговый мир средневековой Руси. С. 292—295.

⁸⁹ Рабинович М. Г. Средневековый русский город в былинах. С. 123.

⁹⁰ Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. С. 266—268.

⁹¹ Новгородские былины. С. 205.

⁹² ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 536, 622; М., 2003. Т. 5, вып. 1. С. 71—72, 80, 102, 105; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 224—225.

XIII в.), весной 6675 (1167) г. «заложи Съдко Сытениць церковь камяну святую мученику Бориса и Глеба, при князи Святославе Ростиславици, при архиепископе Илии».⁹³ Ей предшествовал деревянный храм Бориса и Глеба 1146 г. Строительство каменного храма затянулось на шесть с половиной лет, но в летописном свидетельстве 6681 (1173) г. об освящении церкви Бориса и Глеба имя ктитора уже не упоминается.⁹⁴ В более позднем Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода (середина XV в.) помимо аналогичной информации 1167 г. о «Сотко Сытениць» под 6557 (1050) г. в статье, повествующей о гибели от пожара деревянного Софийского собора, уточняется, что стоял он «конец Пискупле улице, идеже ныне поставилъ Сотъке церковь камяну святого Бориса и Глеба над Волховом».⁹⁵ Эту более позднюю локализацию храма В. Л. Янин вполне правомерно признал ошибочной.⁹⁶ Находившаяся в Новгородском Детинце и ставшая культовым центром Прусской улицы церковь Бориса и Глеба впоследствии не раз перестраивалась (в XIII—XVI вв.).⁹⁷ По-видимому, начало формирования былинного образа Садко было положено в период между закладкой каменного храма Свв. Бориса и Глеба и его первой перестройкой, то есть между 1167 г. и концом XIII в.

Ряд ученых однозначно и прямолинейно отождествляют былинного героя Садко с летописным Сотко Сытеничем. Как полагал Б. А. Рыбаков, «вот с этим купцом или торгующим боярином (он назван по отчеству) и можно сопоставить то торгово-экспедиционное начало, которое так устойчиво в былинах о Садке».⁹⁸ Д. С. Лихачев также не сомневался «в том, что „Сатко“ летописи и Садко были — одно и то же лицо».⁹⁹ Но был ли летописный Сотко Сытенич купцом? Скорее всего, нет. И вот почему. Во-первых, согласно социальному статусу, купцов в допетровской России никогда не именовали на — ич, с таким отчеством (да и то лишь на печатях, но не в актовых документах) указывали новгородских купеческих (сотенных) старост, известных с XIII в.¹⁰⁰ Во-вторых, в XII—XV вв. церкви в Новгороде Великом возводились лишь на средства купеческих объединений, только с начала XVI в. отдельные купцы (прежде всего из числа переселенных из Москвы гостей-сурожан и их потомков) стали там выступать в роли заказчиков и строительных подрядчиков при сооружении каменных храмов.¹⁰¹ По-видимому, летописный Сотко Сытенич относился к житейным людям (житейным) — группе непривилегированных феодалов в Новгороде Великом, происходивших из разбогатевших горожан. Владея землей, житейные люди также активно занимались торговлей и по социальному положению были близки к богатым купцам (гостям).

Ряд исследователей датируют сложение новгородского цикла былин о Василии Буслаеве и Садко XIV—XV вв.¹⁰² Но, кажется, ближе к истине, во всяком случае в отношении фольклорного героя Садко, те ученые, кто относит его появление к более ранней эпохе.¹⁰³ В этой связи А. Н. Веселовский верно отметил: «Можно

⁹³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 32.

⁹⁴ Там же. С. 34.

⁹⁵ Там же. С. 181, 219.

⁹⁶ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 124—125.

⁹⁷ Новоселов И. В. От Благовещения до Благовещения: Строительное производство Новгородской земли в период сложения местной архитектурной школы. СПб., 2002. С. 110—111.

⁹⁸ Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. С. 261.

⁹⁹ Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков. С. 230.

¹⁰⁰ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 9, 92—93.

¹⁰¹ Вареницов В. А. Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 34—40; Петров Д. А. Строительство Сырковых // Заказчик в истории русской архитектуры. М., 1994. С. 64—96 (Архив архитектуры; Вып. 5).

¹⁰² Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 30; Азбелев С. Н. Новгородские былины и летопись // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 43—51.

¹⁰³ Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 215—216; Лихачев Д. С. Народное поэтическое творчество XII — начала XIII в. // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1. С. 230; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1956. С. 20.

представить себе, что Сотко-Садок, спасенный на море предстательством свв. Бориса и Глеба, построил им церковь, что последний факт летопись верно запомнила, забыв о местном чуде, которое, вращаясь в устах народа, заменило имена св. князей более известным и популярным, особенно в Новгороде с его братчиной Никольщиной: именем св. Николы. Ему-то и строит церковь былевой Садко. На этой стадии развития легенда осложнилась далее теми элементами сказки, которыми наполнены, за исключением эпизода о Николе, дошедшие до нас былины.¹⁰⁴ Его мнение поддержал еще один известный русский фольклорист — В. Ф. Миллер, пояснивший, как в народном воображении в одном персонаже позже слились образы купца и гусяря: «Итак, новгородское предание, составившее первоначальную основу былины, рассказывало что-то об одном из богатых новгородских торговцев XII века, связавшего свое имя с сооружением каменной церкви и предпринимавшего обширные торговые обороты».¹⁰⁵ Возведение в XII в. храма Свв. Бориса и Глеба неким новгородцем Сотко Сытиничем (возможно, внезапно разбогатевшим «житым человеком») послужило лишь импульсом для народных сказителей, дававших волю своей фантазии и постепенно сформировавших былинный образ Садко-гусяря, Садко — удалого купца. В былинах о нем реальные черты торгового быта Великого Новгорода сочетаются со сказочным сюжетом, действительное — с гиперболизацией. Как объективно подчеркивал Б. Н. Путилов, «совпадение былины и летописи — пример своеобразного появления типологического схождения, но никак не конкретного взаимодействия».¹⁰⁶ Заимствовав от реального лица имя, фольклорный герой начинал далее по воле сказителей собственную жизнь.

Далеко не сразу былинный Садко стал видным купчиной. В молодости он, будучи гусярем («гусельщиком»), потешал на пирах бояр и купцов (по другой версии, являлся речным пиратом-ушкуйником) и лишь позже, разбогатев с помощью Водяного царя, приобрелся к дальним торговым поездкам, приносящим большие барыши, и обзавелся семьей. Что ж, стратификация средневекового русского общества не имела замкнутого характера, и в Новгороде Великом можно было перейти из одной социальной группы в другую (за исключением боярства). И в Москве в середине XV в. гость-сужоужанин В. Г. Ховрин стал казначеем и боярином великого князя, а его правнучка породнилась с Романовыми.¹⁰⁷

В Петербурге в 1871 г. была записана А. Ф. Гильфердингом былина «Святогор и Садко», начинающаяся со следующих слов:

Святогор-то был богатырь
И жил-то у Садка купца богатаго,
И Садко-то ведь купец-то был богатыя.
Явилась у Святогора-то богатыря,
Явилась сила-то великая,
И проговорил ли Святогор это богатырь
И этому Садку богатому:
— И я поеду-то ко стольному ко граду ко Киеву.
Да проговорил Садко купец богатыя:
— Ай же Святогор да богатырь ты!
И нет у нас доспехов богатырских.
И написал-то лист Садко купец богатыя,
Написал-то в землю сорочинскую;
Выслали-то шляпу сорочинскую
А тому ли Святогору-то богатырю,
А весом шляпонька-то сорока пудов.¹⁰⁸

¹⁰⁴ Веселовский А. Н. Былина о Садке. С. 279—280; см. также: Азбелев С. Н. Новгородские былины и летопись. С. 43—51.

¹⁰⁵ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. 1. С. 288.

¹⁰⁶ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 24.

¹⁰⁷ См.: Перхавко В. Б. Гость и боярин великого князя // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Шапову. М., 2005. С. 191—203.

¹⁰⁸ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. Изд. 4-е / Подготовка текста и комментариев А. И. Никифорова. М.; Л., 1950. Т. 2. № 119. С. 307.

Что ж, и это былинное свидетельство частично соответствует социальным реалиям Средневековья. Купеческая верхушка уже в XII—XIII вв. привлекалась к решению важных государственных дел.¹⁰⁹ Помимо собственно торговли купцы в Древней Руси выполняли и поручения властей, например снаряжение дружины и ополчения перед началом военных действий. В 1137 г. во время конфликта Новгорода с князем Всеволодом Мстиславичем у его сторонников из числа бояр было конфисковано 1500 гривен серебра, выданных затем купцам «крутитися на войну», то есть на приобретение военного снаряжения.¹¹⁰ Иногда в лихую годину их даже использовали в качестве воинов. Так, в 1195 г. новгородские торговцы вместе с дружинниками («огнищане и гридба и купце») участвовали в походе против Чернигова, организованном князем Всеволодом Большое Гнездо, а в 1234 г. не только «огнищане и гридба», но и «купец и госте» отбивали нападение литовцев, захвативших посад и торг Старой Руссы.¹¹¹ «Купцев добрых много» погибло в 1315 г. во время сражения новгородского войска под Торжком с ратью тверского князя Михаила Ярославича.¹¹²

На далекой сибирской реке Индигирке русские старожилы еще в XX в., чтобы укротить ветер, дождь, пургу и прочие ненастья, исполняли местный вариант былины «Садко», содержащий, в частности, такие строки:

Садко гость богатенький,
Он не мало по морю беговал,
Ни разу морского царя не даривал,
Врагу лукавому не веровал,
Государю батюшке подати не плачивал...¹¹³

Прежде чем отправиться к морскому царю, казалось бы, на верную гибель, «Садко богат купец» заботится о близких, обращаясь к сотоварищам:

Вы дайте бумажку скоропишатую,
Чернилишко дайте с перышком,
Опишите вы, братия, мои пожитки все.
Которое он пишет к отцу, к матери,
Которое он пишет к молодой жене,
Которое он пишет к малым детушкам,
Которое он пишет во божьи церкви...¹¹⁴

Упоминание о «бумажке скоропишатой» могло появиться в фольклорном произведении не ранее XV—XVI вв., то есть только в период массового распространения бумаги и постепенного прекращения употребления бересты в качестве материала для письма в Новгородской земле.

Тот же Садко пил «зелено вино» в «царевом да большом кабаке» (кабаки появились в России с середины XVI в.¹¹⁵), но не промотал там свои богатства, подобно персонажам былины «Встреча двух купцов в кабаке», записанной на побережье Белого моря.¹¹⁶ В ней повествуется, как купеческий сын «пропивал-то все именье родна батюшка» и побратался с такой же голюю кабацкой, выходящем из купеческой среды.¹¹⁷ Здесь прослеживаются явные сюжетные параллели с произведениями русской демократической сатиры XVII в. — «Повестью о Горе и Злоча-

¹⁰⁹ См.: *Перхавко В. Б.* Купечество и власть в средневековой Руси // Доклады Института российской истории РАН. 1995—1996 г. М., 1997. С. 71—73.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 25—26.

¹¹¹ Там же. С. 234, 283.

¹¹² Там же. С. 336.

¹¹³ *Гурвич И. С.* Этнографическая экспедиция в бассейн р. Индигирки // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1953. Вып. 19. С. 37.

¹¹⁴ *Скрыбыкина Л. Н.* Былины русского населения северо-востока Сибири. С. 89.

¹¹⁵ *Прыжов И. Г.* История кабаков в России. М., 1992. С. 64.

¹¹⁶ *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым.* СПб., 2003. Т. 2. С. 195.

¹¹⁷ *Марков А. В.* Беломорские былины. СПб., 1901. С. 280, 281.

стии», «Повестью о Савве Грудцыне». Но в отличие от героини «Повести о Карпе Сутулове» молодая жена Авдотья Ивановна из былины «Про гостя Терентиша», притворившись больной, в отсутствие мужа нарушает супружескую верность и подвергается жестокому побоям.¹¹⁸ В эпосе почему-то не осуждается поведение самих мужей, будто бы всегда сохранявших верность женам во время длительных торговых поездок и будто бы не вступающих в сексуальные отношения с другими женщинами, о чем упоминается, в частности, в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина.¹¹⁹

Можно поверить, что родителям, подобно матери былинного героя Ивана Гостина сына, которая его «продавала купцам-гостям заморьянам // ай заморьянам купцам да вавилоньянам», приходилось в безвыходной ситуации продавать своих детей, дабы спастись от голода. И купил мальчика за 50 рублей «Павел, гость заморенин», и повезли Ивана за море в черном корабле, повествуется далее в былине.¹²⁰ В Новгороде Великом во время страшного голода 1229 г. «даяху свои дети отец и мати одерень гостем из хлеба».¹²¹ А слово «заморене» изредка использовалось по отношению к иностранным купцам и в приказной документации: например, в описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминается о грамоте, которую доставили «из Ругодова немцы Гридя да Еремейка заморене».¹²²

Обратимся к еще одному былинному герою, принадлежащему к торговому миру. Гость Таракашка (Торокан), который в ряде вариантов носит имя Василий или Иван и еще одно прозвище Пустоволосьевич (Пустоволодьевич), чаще всего является одним из персонажей былины «Царь Соломан и Василий Окулович».¹²³ В некоторых вариантах былины о Ваське-пьянице зять Батыги (Батыя?), пришедшего с ратью под Киев, именуется Тараканчиком Корабликовым, или Тараканником (Тороканом) Каранниковым, или Торокашкой Скурлатьевичем. Васька Торокашко действует также в былине о князе Борисе Романовиче (сюжет, связанный с Данилой Ловчанином), где дает князю Владимиру коварный совет овладеть женой князя Бориса. В одном из вариантов былины «Царь Соломан и Василий Окулович» царскую жену из Царьграда умыкнул для Василия Окуловича Поваренин, но «маленьки робятушка», отвечая на расспросы вернувшегося домой царя Соломана, почему-то называют виновником происшествия гостя Таракашку:

Приходил Торокашко, да гость заморенин,
Приходил Торокашко да на трех кораблях;
Он увез царицу за сине море!¹²⁴

Такое же совмещение двух этих персонажей характерно для былины «Царь Соломан и Василий Окулович», записанной на Мезени.¹²⁵ А. В. Марков обратил внимание В. Ф. Миллера на возможность сопоставления былинного Васьки Торокашки с гостем-сурожанином Василием Торокановым. Судивший вместе с наместником с 1519 г., он мог вызвать недовольство у многих новгородцев, тем более что был для них чужаком — пришельцем из Москвы. Время сложения былины, в которой, по его предположению, в имени Васьки Тороканова отразилась народная память о новгородском купеческом старосте, московском госте-переселенце

¹¹⁸ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 15—19.

¹¹⁹ Хожение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я. С. Лурье, Л. С. Семенов. Л., 1986. С. 8, 12, 21, 25.

¹²⁰ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым. Т. 1. № 24. С. 127—129.

¹²¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 71, 280.

¹²² Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 57.

¹²³ Былины / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. С. 457—459; Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 2. № 272. С. 307, 308.

¹²⁴ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым. Т. 1. № 92. С. 293—296.

¹²⁵ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым. СПб., 2003. Т. 3. С. 67.

Василии Тараканове, В. Ф. Миллер ограничивал первой половиной XVI в., а место — Новгородом Великим.¹²⁶

Скорее всего этот былинный купеческий образ имеет собирательное значение, и на его появление и оформление оказала влияние деятельность гостей Таракановых. В писцовых книгах конца XV — начала XVI в. можно встретить упоминания о новгородских деревнях Владимира и Никиты Таракановых, выделенных им великим князем в качестве компенсации за утраченные подмосковные села.¹²⁷ В XVI в. на Торговой стороне Новгорода в Плотницком конце существовали богатые «суроужские двory», в том числе «палата каменна» Андрея Тараканова.¹²⁸ В начале XVI в. должность новгородского купеческого старосты занимал Владимир Тараканов, а Василий Никитич Тараканов ставил подпись под тремя торговыми договорами с Ганзой и Ливонией в 1514, 1521 и 1531 гг.¹²⁹ В 1547 г., например, Софийский дом закупил у Петра Васильевича Тараканова, внука одного из московских «сведенцев», семь поставов «сукон тюпинских».¹³⁰ На средства Таракановых были построены церкви Климента на Иворове улице, Успения в селе Сытине на берегу Ильмена, Федора Стратилата с трапезной в монастыре Св. Николы в Воротниках. Таракановы неоднократно делали богатые вклады деньгами, землями, дорогами крестами, иконами, книгами, ризами, коврами в Иосифо-Волоколамский, Соловецкий, Троице-Сергиев монастыри.¹³¹

Еще в одном былинном сюжете, очевидно, отражены события Ливонской войны 1558—1583 гг., нанесшей ущерб торговле России с Прибалтикой и Польско-Литовским государством:

Что в Москве чудо учинилося.
Во марте, это было месяце,
При царе Иване Васильевиче.
Заперты пути дороженьки,
Закрыты торги ярмарки!
Одолела Литва поганая!¹³²

Народные сказители подмечали нюансы как бытовой, так и торгово-купеческой терминологии. Архаизмы из ранних записей былин в «Сборнике Кириши Данилова» (XVIII в.) в более поздних записях исчезают, уступая место модернизмам. В былине о Соловье Будимировиче, например, «снаряжен двор с тремя теремами» заменяется «хрустальным дворцом», «высоки терема» — «высокими комнатами», а «гость-купец» превращается в «дорога гостя приезжево».¹³³ При этом народные сказители нередко допускали преувеличения при характеристике героя, дабы подчеркнуть те или иные его черты (достаток, смекалку, силу, храбрость и т. д.). Вот как описывается, например, усадьба богатого новгородского гостя Терентиша:

У него двор на целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тынинки по маковке,
А есть и по земчужинке;

¹²⁶ Миллер В. Ф. 1) К былине о Соломане и Василии Окуловиче // ЖМНП. 1913. № 3; 2) Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. С. 174—202.

¹²⁷ Новгородские писцовые книги. СПб., 1859. Т. I. Стб. 703—705, 781; 1862. Т. II. Стб. 118—119, 347—349, 465—467, 486—490.

¹²⁸ Янин В. Л. К истории так называемого «дома Марфы Посадницы» // Советская археология. 1981. № 3. С. 85—96.

¹²⁹ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 345—348; Сыроечковский В. Е. Гости-суроужане. С. 111—113; Варенцов В. А. Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв.: Учебное пособие по спецкурсу. Вологда, 1989. С. 11—34.

¹³⁰ Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке: Очерк социально-экономической и политической истории города. Харьков, 1957. С. 143—145.

¹³¹ Там же. С. 145—147; Варенцов В. А. Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 34—40; Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.

¹³² Древние русские стихотворения Суханова. СПб., 1840. С. 33; Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пг., 1915. № 209.

¹³³ Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. С. 133.

Ворота были валящетыя,
 Верей хрустальные,
 Подворотина рыбой зуб.¹³⁴

Упоминание о железном тыне могло появиться в былине «Про Терентиша» не ранее XVIII в., когда железными оградами стали окружать богатые усадьбы Петербурга и других городов России. А в доме этого же былинного купца стоят «печка муравленая» «да кровать слоновых костей» с периною.

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

С давних времен прослеживается связь фольклорных материалов с письменными источниками. С фольклором, в частности, тесно связана легендарная повесть о казнях на Красной площади при Иване Грозном купцов, в том числе Харитона Белоулина (Белеуленева). Первым из историков на данное сочинение обратил внимание И. Е. Забелин, считавший датировку в нем этого события 1574 (7082) г. ошибочной.¹³⁵ Д. Н. Альшиц, опубликовавший несколько списков этой повести, утверждает обратное и, ссылаясь на несколько параллелей с описанием казни в Москве в 1570 г., сделанным Альбертом Шлихтингом, полагает, что она была создана в конце XVI в.¹³⁶ Однако, скорее всего, это записанное позже произведение возникло не ранее XVII в. Среди его фольклорных элементов в двух списках (ГИМ. Собр. Забелина. № 263; РНБ. Q. XVII. 252) упоминаются 300 плах, 300 топоров, 300 палачей, казнивших горожан, в том числе гостей и членов Гостиной сотни. Один из них, торговый человек Гостиной сотни, могучий телосложением (подобно богатырю), Харитон Белоулин (Белеуленев — в Забелинском летописце: ГИМ, собр. Забелина, № 263) перед смертью обратился к царю-тирану с гневными словами упреков. Затем его обезглавленное тело встало на ноги и продолжало трястись до ночи так, что палачи не могли свалить труп на землю. Потрясенный этим зрелищем царь уехал с площади и помиловал остальных осужденных на казнь людей.

Как выяснила Н. Б. Голикова, Гостиная сотня появилась в промежутке между 1568 и 1584 гг., но скорее всего вскоре после Земского собора 1566 г. либо после 1571 г. К концу XVI в. в ней уже насчитывалось до 300 человек, то есть в десять раз больше, чем гостей.¹³⁷ 7094 (1585/1586) г. датирована купчая грамота, согласно которой «Дмитрей Леонтьев сын Воропаева торговой человек Гостиные сотни» продал Соловецкому монастырю часть своего двора в Москве и заложил за 5 рублей всю усадьбу.¹³⁸ Тем не менее в письменных источниках конца XVI в. торговые люди Гостиной сотни, которые пользовались различного рода льготами, оформлявшимися как общими корпоративными, так и персональными жалованными грамотами, и занимали второе место в социальной иерархии российского купечества, упоминаются гораздо реже, чем гости.

В другой редакции «Повести», входящей в состав Шепкинского летописца (ГИМ. Музейское собр. № 3996) и отнесенной Д. Н. Альшицем к новгородскому виду произведения, герой именуется Харитоном Алексеевым Левренским, а среди выведенных на казнь перечисляются «сто князей, сто бояр и сто торговцев больших гостей» (эти же цифры фигурируют в списке РНБ: КП. 1958. 217).¹³⁹ И далеко не случайно в состав трех летописцев неофициального характера середины XVII—XVIII в. (ГИМ. Музейское собр. № 3996; ГИМ. Собр. Забелина. № 263;

¹³⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 15, 430; Новгородские былины. С. 307.

¹³⁵ Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. II. С. 242—243.

¹³⁶ Альшиц Д. Н. Повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Л., 1961. Т. 17. С. 255—271.

¹³⁷ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 216—222.

¹³⁸ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Т. 2. Стб. 610—611.

¹³⁹ Альшиц Д. Н. Повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина. С. 265, 267—268.

РНБ. Q. XVII. 252; ИРЛИ. Пинежское собр. № 440) наряду с «Повестью о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине» входит столь же легендарное историческое сочинение — «Повесть о взятии Смоленска», в котором рассказывается о том, как якобы Иван Грозный в течение ряда лет осаждал Смоленск.¹⁴⁰ По мнению М. А. Салминой, последнее произведение, помещенное в летописцах под 1555, 1576, 1587 и 1593 гг., в действительности было создано в 1630-х гг. и навеяно событиями Смоленской войны 1632—1634 гг.¹⁴¹ Как обоснованно утверждают М. Д. Каган и С. К. Росовецкий, оригинальные сочинения с вымышленным героем, подобные «Повести о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине», которая возникла как литературная обработка устного предания в московской купеческой среде гораздо позже описываемого события, вообще не могли появиться в России в XVI в.¹⁴²

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

В исторических песнях, распространившихся в XVI—XVII вв., в качестве героев выступают реальные исторические лица, память о деятельности которых запечатлелась в народном сознании. В отличие от времени возникновения «Повести о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине», на десятилетия отстоящего от эпохи Ивана Грозного, для англичанина Ричарда Джемса под Архангельском была записана в 1619—1620 гг. песня, ставшая быстрым откликом на смерть М. В. Скопина-Шуйского спустя несколько лет после его ухода из жизни (1610):

А расплачутца гости Москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила!»¹⁴³

Как видим, члены самой привилегированной государственной торговой корпорации предстают здесь как патриоты своего Отечества, думающие в тяжкую годину о его спасении.¹⁴⁴ В Пискаревском летописце конца первой четверти XVII в. так описывается заговор против царя В. И. Шуйского летом 1610 г., после поражения царских войск от поляков под Клушином: «И в ту пору стало на Москве волнение великое в боярех и в дворянх, и в гостех, и вся чернь встала...»¹⁴⁵

М. В. Скопину-Шуйскому посвящена еще одна историческая песня, записанная В. Н. Богоразом в заимке Черноусовой, в области Нижней Колымы, со слов мещанина Совикова, по прозвищу Кулдаря:

Скопину-то рано мати наговаривала:
«Ты не езд, Скопин, в каменну Москву,
Не торгуйся с купцами самаронскими,
Не бери товару саморонскаго,
Не кумися ты с дочерью Малютиной!»
Не послушался Скопин родну матушку,
Уж поехал-то Скопин во каменну Москву,

¹⁴⁰ *Копанев А. И.* Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 57—65, 77—78; *Каган М. Д.* Повесть о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине // СКИКДР. СПб., 1998. XVII в. Ч. 3. С. 223—225.

¹⁴¹ *Салмина М. А.* 1) Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 192—195; 2) Повесть о взятии Смоленска // СКИКДР. XVII в. Ч. 3. С. 101—104.

¹⁴² *Росовецкий С. К.* Устная проза об Иване Грозном — правителе // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1981. Т. 20. С. 87—89; *Каган М. Д.* Повесть о царе Иване Васильевиче... С. 223—225.

¹⁴³ *Симони П. К.* Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства // Сборник отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1907. Т. LXXII. № 7. С. 2—3; *Миллер В. Ф.* Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пг., 1915. С. 581.

¹⁴⁴ М. В. Скопин-Шуйский стал, пожалуй, самым популярным героем русского фольклора эпохи Смуты. См. подробнее на эту тему: *Азбелев С. Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. С. 207—231 (Глава «Эпический герой Смутного времени»).

¹⁴⁵ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 212.

Подружился он с купцами самаронскими,
Покумился он с дочерью Малютиной...¹⁴⁶

Составитель этой песни явно желал подчеркнуть, что плутоватые торговцы могли, как и дочь Малюты Скуратова-Бельского, легко обмануть прямодушного полководца. Непонятно, правда, происхождение термина «самаронский»: то ли речь идет о волжских купцах из Самары (Самарской Луки), то ли в искаженной форме подразумевается Комарицкая волость на Северной земле, через которую на Москву двигались в начальный период Смуты (1604—1607 гг.) самозванцы и их сподвижники.

В народном эпосе отразились также воспоминания о действиях ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского. П. В. Киреевский записал в Боровском уезде Калужской губернии песню о Минине и Пожарском, в которой инициатор создания Второго ополчения предстает как «богатый мещанин» из Нижнего Новгорода, собирающий войско только из удалых молодцев, только из купцов. Воевода князь Дмитрий Пожарский обращается в ней к ополченцам: «храбрые солдатушки, нижегородские купцы».¹⁴⁷ Песня эта, преувеличивающая роль купечества, хотя в действительности ядро ополчения составляли дворяне и прочие служилые люди (стрельцы, пушкари), возникла, очевидно, в городской торгово-предпринимательской среде.¹⁴⁸ Впрочем, в состав нижегородского войска, ходившего в 1608 г. под командованием воеводы А. С. Алябьева на Балахну, входили и посадские люди.¹⁴⁹ А в одной из былин, записанной А. Ф. Гильфердингом в Кижях, М. В. Скопин-Шуйский обращается к жителям Новгорода Великого с просьбой о военной помощи:

Обошла Москву Литва поганая,
Да й садился тут Скопин да на добра коня,
Еще ехал-то Скопин да и во Новгород,
Он заутрену служил Пречистой Богородице,
На заутрену он положил пятьсот рублей,
На обедню полагал он целу тысящу,
Собирал ён мужичков да новгородских,
Говорил ён мужичкам да новгородским:
— Ай же мужички вы новгородские!
Соберите-тко мне силушки сорок тысящ;
Ехал-то Скопин да к каменной Москвы
Со своима со войскамы со великима.¹⁵⁰

Кое-кто из посадских торговых людей, подобно Минину, проявил себя в годы Смуты на военном поприще. К примеру, торговец Федор Федулов командовал псковскими ратными людьми, изгнавшими в 1614 г. шведов из Гдова.¹⁵¹ Но все это единичные случаи. Чаще всего роль купечества сводилась к выделению денежных средств на содержание ополченцев. Вот как характеризуется деятельность Кузьмы Минина в этой же исторической песне из Калужской губернии:

¹⁴⁶ Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа. № 203. С. 574.

¹⁴⁷ Песни, записанные П. В. Киреевским. М., 1866. Вып. VII. С. 21—22; Исторические песни. Изд. 2-е. Л., 1951. С. 377.

¹⁴⁸ Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа. № 203. С. 615—616; Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVII вв. М., 1960. С. 111—112. П. Бессонов называл это произведение фольклора даже не песней, а «побывальщиной» (Песни, записанные П. В. Киреевским. Вып. VII. Дополнения. С. 121). См. о Втором ополчении: Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611—1612 гг. // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1913. Т. XI; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 393—402; Любмиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения. 1611—1613 гг. М., 1939.

¹⁴⁹ Филатов Н. Ф. Подвиг во имя России: Козьма Минин и Дмитрий Михайлович Пожарский. Нижний Новгород, 1996. С. 116.

¹⁵⁰ Гильфердинг А. Ф. Онежские быliny. Т. 2. № 88. С. 152.

¹⁵¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 5, вып. 2. С. 278 (свидетельство Псковской 3-й летописи по Архивскому 2-му списку).

Как в старом-то было городе,
 Во славном и богатом Нижнем,
 Как уж жил тут поживал богатый мещанин,
 Богатый мещанин Кузьма Сухорукий сын.
 Он собрал-то себе войско из удалых молодцов,
 Из удалых молодцов нижегородских купцов;
 Собравши их, он речи им взговорил:
 «Ох, вы гой еси товарищи, нижегородские купцы!
 Оставляйте вы свои дома,
 Покидайте ваших жен, детей,
 Вы продайте все ваше злато-серебро,
 Накупите себе вострых копиев,
 Вострых копиев, булатных ножей,
 Выбирайте себе из князей и бояр удалова молодца,
 Удалова молодца воеводушку;
 Пойдем-ко мы сражаться
 За матушку за родну землю,
 За родну землю, за славный город Москву.¹⁵²

Почему же организатор Второго ополчения в отличие от подавляющего большинства письменных источников назван в былинах Кузьмой Сухоруковым?

Предки Минина известны с XVI в. в небольшом волжском г. Балахне (недалеко от Нижнего Новгорода), где они промышленяли добычей и торговлей солью. Документы о жизни и предпринимательской деятельности отца, братьев и прочих родственников Кузьмы Минина в Балахне ввели в научный оборот И. А. Кирьянов и В. А. Кучкин. По данным писцовой книги 1591 г. дворцовой Заузолской волости, «за балахонцем за посадским человеком за Минею за Онкундиновым» числились три деревни, принадлежавшие ему на праве собственности и дававшие дополнительный доход. В них имелись 13 $\frac{5}{12}$ десятин пахотной земли, 26 $\frac{1}{4}$ десятины перелога и 7 десятин хормного леса. Проживавшие в деревнях подневольные работники Мины Анкундинова занимались сельским хозяйством. Его потомки в XVII в. владели в Балахне значительным состоянием — лавками, городскими дворами, соляными варницами. Фамильное прозвище Мининых происходит от имени отца Кузьмы — Мины Анкундинова, являвшегося в начале 80-х гг. XVI в. совладельцем соляной трубы Каменки.¹⁵³ Значит, деда К. Минина звали Анкудин (Анкудин), а отцовское имя заменило ему отчество (Минич) и фамилию (Минин), хотя правильнее было бы его именовать Кузьма Минич Анкундинов (либо, как тогда писали: Козьма Минин сын Анкудинов).

В «Новом летописце», завершеном около 1635 г., он ошибочно именуется как «Козма Минин, рекомый Сухорук», а двор «Кузьмы Захарьева сына Сухорука» (но не Минина!) впервые упоминается в Нижнем Новгороде в купчей 1602 г.¹⁵⁴ Однако нижегородский посадский человек Кузьма Захарьевич Сухорук не имеет ничего общего (за исключением имени) с одним из предводителей Второго ополчения, которого порой в справочной и учебной литературе ошибочно называют с таким же отчеством.¹⁵⁵ Кстати, имя Захар не упоминается в поминальных записях рода думного дворянина Кузьмы Минича и его сына стряпчего Нефёда Минина.¹⁵⁶ Ознакомившийся с «Новым летописцем» В. Н. Татищев называл в «Истории Российской» одного из организаторов Второго ополчения Козьмой Сухоруковым либо Сухоруком.¹⁵⁷ Нижегородский историк А. Я. Садовский еще в 1916 г. доказал, что это разные люди, которых объединяет лишь общее

¹⁵² Песни, записанные П. В. Киреевским. Вып. VII. С. 21—22.

¹⁵³ Кирьянов И. А. О Кузьме Минине (новые материалы к биографии) // История СССР. 1965. № 1. С. 144—146; Кучкин В. А. О роде Кузьмы Минина // История СССР. 1973. № 2. С. 209—211.

¹⁵⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. XIV. С. 116.

¹⁵⁵ Хачко А. Ю. Как звали Минина (купчая 1602 г.) // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2003. С. 7—11; ср.: Русское устное народное творчество: Хрестоматия / Сост. В. П. Аникин. М., 2006. С. 565.

¹⁵⁶ Филатов Н. Ф. Подвиг во имя России... С. 25.

¹⁵⁷ Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1996. Т. VI. С. 356—357.

имя.¹⁵⁸ Но до сих пор по отношению к национальному герою России в научно-популярной и справочной литературе можно встретить неверное именование Кузьма Минич Захарьев-Сухорук, что не соответствует действительности — сухоруком он не был.¹⁵⁹ Вряд ли человек с таким физическим дефектом мог ворочать огромные мясные туши и рубить их топором.

В другой дошедшей до нас исторической песне «Как давным-давно на святой Руси» повествуется:

Лишь слышали, лишь завидели
Наш Пожарский князь с купцом Мининым,
Что грозит беда каменной Москве,
Что Литва нам, та Литва гордая,
Проговариват с грозой дерзкою,
С грозой дерзкою и поганскою,
Что сулят нам те чародейны,
Чародейны бесорманские,
Безвременную смерть позорную,
Поднялися те добры молодцы,
Поднялися те Руси верные,
Что Пожарский князь с купцом Мининым...¹⁶⁰

«...Историзм исторических песен состоит не в том, — справедливо отмечал В. Я. Пропп, — что в них правильно выведены исторические лица и рассказаны исторические события или такие, которые народ считает действительными. Историзм их заключается в том, что в этих песнях народ выражает свое отношение к историческим событиям, лицам и обстоятельствам, выражает свое историческое самосознание...»¹⁶¹

Показательно, что ни в одном из письменных источников XVII в. по истории Смутного времени Минина не называют купцом. В отличие от старших братьев Ивана и Федора Кузьма Минин, не получив, очевидно, доли в семейном деле, покинул родной город Балахну и переселился в Нижний Новгород, где со временем приобрел мясную лавку. Простым мясником именуется он в Хронографе 1617 г.: «...художеством бяше прежде говядарь».¹⁶² «...Некий муж благолюбив и добросмыслен зело, именем Козма Минин, от посацкаго чина земским старемниинством почтен бысть в Нижнем граде», — сообщается под 1612 г. в «Повести о победах Московского государства».¹⁶³ По словам талантливого писателя и участника событий Смутного времени, автора «Летописной книги» С. И. Шаховского, жил «в то же время человек некий в Нижнем Новгороде, убогою куплею питаюся, сиречь продавец мясу и рыбе в требания и в снесь людям, имя ему Кузьма».¹⁶⁴ Согласно Пискаревскому летописцу конца первой четверти XVII в., «некий торговой человек от простых людей, имянем Козьма, прозвище Минин, смышлен и язычен» в Нижнем Новгороде «почал советовати с своею братьею с нижегородцы з гостьми и с торговыми людьми, и со всякими: како бы им пособити Московскому государству».¹⁶⁵ Слово «некий», использованное по отношению к Минину в ряде источников, подчеркивает тот факт, что до 1611 г. его имя было известно лишь узкому кругу нижегородцев, а писавшие позже авторы почти ничего не знали о происхождении одного из руководителей Второго ополчения. Составитель Бельского летописца повествует, как «учал збиратца в Нижнем Новагороде князь Дмитрей Михайло-

¹⁵⁸ Садовский А. Я. Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин-Сухорук? Н. Новгород, 1916.

¹⁵⁹ См. перечень источников и литературы о нем: Перхавко В. Б. Кузьма Минин // Московский журнал. 2000. № 4. С. 10—15.

¹⁶⁰ Миллер В. Ф. Отголоски Смутного времени в былинах. СПб., 1906. С. 10—13.

¹⁶¹ Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. ст. М., 1976. С. 120.

¹⁶² Перевод данной фразы, сделанный О. В. Твороговым («занимался прежде торговлей скотом»), представляется не вполне адекватным, ведь мясники закупали скот на убой, а не для продажи в живом виде. См.: ПЛДР: Конец XVI — начало XVII в. М., 1989. С. 352—353.

¹⁶³ Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 29—30.

¹⁶⁴ Там же. С. 414—415.

¹⁶⁵ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 217.

вичь Пожарской да от молодых от торговых людей с ним посацкой человек нижегородец Кузьма Минин».¹⁶⁶ И лишь в более позднем Летописце Льва Вологодина (Великий Устюг, 1765 г.) он именуется нижегородским купцом.¹⁶⁷

В исторической песне, записанной П. Н. Рыбниковым в Карелии со слов сказителя А. Е. Чукова, отражено участие представителей купечества в земских соборах при царе Алексее Михайловиче, обращающемся с вопросом к ним:

Ай же вы, купцы-гости богатые!
Пособите государю дума думати:
Надо думать крепка дума, не продумати.
Мни-ка пишет нонь король земли Шведския:
Он у нас просит города Смоленска,
А дает ли нам Хинскую землю.
Так отдать ли нам Смоленск али не отдати,
Али нам за Смоленск постояти,
Али нам на Смоленск нанимати?¹⁶⁸

И это фольклорное свидетельство соответствует исторической действительности. Представители купеческой верхушки (гости, смоляне, торговые люди-москвичи, члены Гостиной сотни) начиная с 1566 г. непременно участвовали в работе земских соборов.¹⁶⁹ С ними советовались, в частности, по поводу продолжения Ливонской войны (1566 г.), условий мира со Швецией (1617 г.), при обсуждении вопроса об Азове (1642 г.). Совсем неправдоподобным кажется герой еще одной старины — «купец темный».¹⁷⁰ Разве мог незрячий человек, которого легко обманывала жена с любовником, торговать?! Так параллельно с подлинной информацией в эпосе соседствует сказочное, нереальное.

НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ

Формы передачи народных преданий отличаются от практики бытования былин и исторических песен, в которых новшества, внесившиеся более поздними сказителями, должны были влетать в канву распева. Помимо вольного пересказа легенд при установлении исторического факта нужно учитывать и литературную их обработку публикаторами.

Одно из народных преданий, бытовавших в Среднем Поволжье, появилось в районе знаменитой Макарьевской ярмарки, напротив которой было расположено село Лысково, ставшее с XVII в. вотчиной грузинского князя-царевича. Вспыльчивый вотчинник любил покуражиться не только над собственными крестьянами, но и над купцами. Никто из них не мог перечить барину царственных кровей. И лишь один торговец из новеньких отказался продавать ему приглянувшийся товар по заниженной цене. Разгневанный самодур набросился на купца, а тот кинулся бежать из ярмарочных рядов в озеро, куда забрался по горло и князь. Так они стояли в воде, пока барин не остыл от гнева и не простил торгового человека.¹⁷¹

Фольклорист Н. А. Криничная записала в Архангельской области народные предания о разбойниках, грабивших в старину богатых купцов на дорогах, в том числе у ямы на волоке возле Черной слободы.¹⁷²

¹⁶⁶ Там же. С. 259.

¹⁶⁷ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 139.

¹⁶⁸ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1989. Т. 1. № 33а. С. 263.

¹⁶⁹ Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1909. С. 12—15; см. также: *Зимин А. А.* Земский собор 1566 г. // Исторические записки. 1961. Т. 71. С. 203—210, 214—217; *Мордовина С. П.* К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // Археологический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 127—141; *Floria B. N.* Skład społeczny soborów ziemskich w państwie Moskiewskim w XVI wieku // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1974. Т. 36, з. 1. С. 51; *Морозова Л. Е.* Купечество на земских соборах XVI—XVII вв. // Российское купечество от Средних веков к Новому времени: Научная конференция. Москва, 2—4 ноября 1993 г. Тез. докл. М., 1993. С. 21—23.

¹⁷⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. № 35. С. 271.

¹⁷¹ *Монастырский С.* Иллюстрированный спутник по Волге: В 3 частях. Казань, 1884. С. 75—76.

¹⁷² *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 126—128.

Несколько преданий связано с именем Сергея Ивановича Поганкина — известного псковского купца XVII в., который упоминается впервые в одном из документов 1644 г. как простой посадский человек — «огородник». В последующее время он постоянно расширял сферу деятельности, приобретая дворы, сады, нивы, лавки (в мясном, сапожном, суконном рядах), активно включаясь не только во внутреннюю, но и во внешнюю торговлю. Только за два осенних дня 1671 г. Поганкин закупил на торге в Пскове, переработал и перепродал иноземным гостям 1321 пуд сала, продал 875 пудов псковского льна, 1878 пудов пеньки и 336 пудов выделанной кожи. Его громадное состояние было нажито далеко не праведными путями. Порой ему удавалось переправлять десятки возов с товарами в Прибалтику, минуя таможеню. В 1659 г. Поганкин был головой Псковского денежного двора. Одно время он в качестве выборного лица в числе пяти-шести крупных купцов заседал в Псковской земской избе, которая управляла Псковом и его пригородами. Венцом его купеческой карьеры стало зачисление в 1679 г. в государеву Гостиную сотню (жалованная грамота на чин была выдана 11 января 1680 г.) и позднее — награждение за службу царским жалованным ковшом. В 1681—1682 гг. он возглавлял Мытный двор в Москве, с 1688 г. — Большую таможеню в Пскове. 15 июля 1686 г. Поганкин получил жалованную грамоту об освобождении его от службы и тягла по линии Гостиной сотни в Москве и уплате тягла и несении службы в Пскове вместе с посадскими людьми, а также подведомственности Новгородскому приказу. Скончался он в 1694 г., оставив после себя богатое наследство. Сергей Иванович был погребен, по всей вероятности, в Златоустовском монастыре, в котором Поганкиными была выстроена церковь во имя Св. Иоанна Предтечи.¹⁷³ До сих пор стоят построенные С. И. Поганкиным каменные палаты Г-образной формы, носящие его имя — Поганкины. За их массивными стенами некогда жил этот богатейший купец, хранились ценные товары.¹⁷⁴

Согласно псковским преданиям, на месте Поганкиных палат, в стенах которых были замурованы купеческие сокровища, когда-то стояла жалкая лачуга бедняка-бондаря — родоначальника Поганкиных, случайно обнаружившего (то ли в углу под куриным гнездом, то ли в огромном валуне на берегу р. Великой) клад золотых монет, на которые и были выстроены каменные палаты.¹⁷⁵ В одной из легенд прозвище владельца палат связывается с Иваном Грозным, который, прибыв вместе с опричниками в Псков, потребовал от него денег. «Сколько же тебе, государь, нужно?» — спросил купец. «Ах, ты, поганый! Да разве ты настолько богат, что в состоянии будешь вполне удовлетворить меня», — промолвил царь.¹⁷⁶ Другие же говорили, что Поганкины получили свое прозвище от «поганок» — звериных шкурок, которыми торговали; третьи — что они разбогатели на поганые (бесовские) деньги; а четвертые рассказывали о большой их дружбе с погаными людьми (иноземцами). Будто бы злая жена Поганкина, ревнуя мужа к детям, бросила малолетних сына и дочь в дремучем лесу. Но несчастные, выжив, стали нищенствовать и однажды забрели на двор Поганкиных, где отец их признал, а мать-преступницу обрек на смерть, привязав к хвосту дикого коня. В народе утверждали также, что Поганкин водил знакомство с разбойниками из Сорокового бора (Гдовский уезд),

¹⁷³ См. более подробно о нем: Книги псковитина посадского человека Сергея Иванова сына Поганкина: Особое приложение к «Археологической записке о роде Поганкиных» / Списал с подлинника К. Г. Евлентьев. Псков, 1870; *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. С. 348; *Аракчеев В. А.* Средневековый Псков: Власть, общество, повседневная жизнь в XV—XVII веках. Псков, 2004. С. 249—256; Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.: Сборник документов / Сост. Т. Б. Соловьева (отв. сост.), Т. А. Лаптева. М., 2004. Т. 1. № 83. С. 332, 334.

¹⁷⁴ *Евлентьев К. Г.* Палата Поганкина в Пскове. Псков, 1870 (Изд. 2-е. Псков, 1881); *Снегальский Ю. А.* Псковские каменные жилые здания XVII века. М.; Л., 1963. С. 40—51. Рис. 22—23; *Лабутина В. И.* Сергей Поганкин, владелец каменных палат // Псков через века: Памятники Пскова сегодня. СПб., 1994. С. 51—60.

¹⁷⁵ *Евлентьев К. Г.* Археологическая записка о Поганкиных. Псков, 1870. С. 6—8.

¹⁷⁶ Там же. С. 8.

которые приезжали к нему в палаты бражничать.¹⁷⁷ В одной псковской легенде происхождение фамилии Поганкина объясняется в русле народной этимологии тем, что купец поддерживал тесные отношения с иностранными коммерсантами неправославного вероисповедания, то есть с «погаными». Но скорее всего она ведет начало от малопривлекательного прозвища Поганка, которое закрепилось за отцом С. И. Поганкина.¹⁷⁸

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Меткое народное слово характеризует профессиональные и человеческие качества торговых людей и в более лаконичной форме. П. К. Симони издал два старинных сборника русских пословиц и поговорок конца XVII — начала XVIII в.¹⁷⁹ Фразеологический словарь 1607 г. Тённи Фенне, материалы которого частично восходят к XVI в., содержит и более ранние поговорки, в том числе: «Весец, весь прямо, да не провесь душе свое»; «Нельзя добро[й] товар хулить да худого хвалить»; «К доброму товару люди трутся (прилипают), да от худого товару бежат люди прочь»; «С малыми кунами (деньгами) к великому товару не ходи, не добывая сорома, [и]щи себе товару по своим кунам».¹⁸⁰ В политическом трактате «О причинах гибели царств» («Описание вин или причин»), переведенном скорее всего с польского языка и распространившемся в России с начала XVII в., приводится притча: «Каков купец или торговый человек, таков и товар его».¹⁸¹

Так звучат старинные русские поговорки, отражающие торговый быт: «Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют»; «Денежка любит счет»; «Прасол с мясом, а наши всегда без каши» (прасолами именовались скупщики скота, рыбы, мяса, соли, хлеба); «Барышу наклад — большой брат»; «Без ума торговать — лише деньги терять»; «Торг повольной — купец любовной»; «Похвала продать — а хуля купить».¹⁸² При уступке товара купцы нередко приговаривали: «Не у продажи дело стало». Вот еще несколько пословиц, касающихся торговых людей и записанных В. И. Далем: «Покупатель дома похвалит, а купец в лавке»; «Торговать, так по сторонам не зевать»; «У купца расчет, у покупателя другой (свой)»; «У купца цена, у покупателя другая. У купца своя цена, у покупателя своя»; «Дорожиться — товар залежится; продешевить — барышей не нажать»; «Купчик купец, разудалый молодец. Купец — плутец. Купчик голубчик — деньголупчик»; «Купец божится, а про себя отрекается».¹⁸³ В ответ на эти купеческие ухищрения в покупательской среде появилась юмористическая пословица: «Рассыпал гость товар да запел, что комар».¹⁸⁴ Перечисленные выше пословицы и поговорки характеризуют профессиональную психологию и поведенческие стереотипы основной массы купечества, стремившегося получить как можно больше прибыли.¹⁸⁵ При этом использовались разнообразные приемы обмана покупателей.

* * *

Хотя былины, исторические песни, прочие произведения устного народного творчества были записаны в сельской местности, на окраинах России, создавались они (судя по детализации и точности в подаче бытовых реалий) и в городской торгово-ремесленной среде. Однако эти реальные черты торгового быта Средневеко-

¹⁷⁷ Там же. С. 8—9.

¹⁷⁸ Там же. С. 6—9; Степанов Ю. Легенды и предания Псковщины. Псков, 1993. С. 40.

¹⁷⁹ Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XVIII столетий. СПб., 1899. Вып. 1.

¹⁸⁰ ПЛДР. Конец XVI — начало XVII в. М., 1987. С. 531—532.

¹⁸¹ Там же. С. 466—467.

¹⁸² Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1. С. 438—439.

¹⁸³ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994. С. 326—331.

¹⁸⁴ Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. С. 439.

¹⁸⁵ См.: Пушкарёв Л. Н. Человек о мире и самом себе: (Источники об умонастроениях русского общества рубежа XVII—XVIII вв.). М., 2000. С. 146—170.

вья, во-первых, тесно переплетаются с гиперболизацией прошлого, а во-вторых, чаще всего смещены на временной шкале, не имеющей в народной памяти даже относительной точности. В одной и той же былине часто сосуществуют асинхронные детали и социальные типы. В то же время, именуя торговцев, сказители, чтобы избежать двусмысленности, использовали термины, отсутствующие в письменных источниках («гости торговые», «гости-корабельщики» и др.).

Учитывая насыщение былин наряду с гиперболами реальными деталями городского рыночного быта, мы вправе поставить вопрос об участии (быть может, опосредованном) бродячих русских торговцев-коробейников и торгующих крестьян, нередко посещавших города, в создании ряда произведений устного народного творчества, бытовавших в отдаленных сельских уголках России. Вряд ли можно полностью согласиться с противоречивым суждением В. П. Аникина, согласно которому, с одной стороны, «на устное произведение ложится печать того, что присуще среде, в которой бытует произведение», а с другой — «одновременно устное произведение утрачивает черты, не характерные для среды, в которой оно бытует».¹⁸⁶

В фольклоре уделяется внимание главным образом быту и семейным отношениям купечества, а не его рыночным операциям. В материалах эпоса проскальзывает извечная мечта простых людей сказочно разбогатеть и повысить свой социальный уровень. Вместе с тем, завидуя зажиточным купцам, поднявшимся из низов, народ нередко источником их богатства считал грабеж либо случайную удачу, но не многолетний кропотливый труд.

В былинах и исторических песнях присутствуют стилистические трафареты и шаблоны, определенные каноны, повторяющиеся мотивы, традиционные устойчивые словосочетания и формулы.¹⁸⁷ Для эпических произведений характерны следование определенному этикету и ориентация на более ранние образцы (*imitatio*). Как писал Д. С. Лихачев, «должное и сущее смешиваются».¹⁸⁸ Былинам и историческим песням присуща избирательность сюжетов; в них, к примеру, совсем не отражены сухопутные поездки древнерусских гостей в страны Западной Европы, торговая активность псковского купечества и монастырей, «выводы» и «своды» торговых людей, деятельность государственных привилегированных купеческих корпораций (Гостиной и Суконной сотен). В этой связи представляется верным высказывание К. В. Чистова о том, что в фольклоре, как правило, отражается «не историческая действительность в прямом и точном смысле этого слова, а народное отношение к ней, определенный тип и способ ее понимания и художественной обработки».¹⁸⁹ В ряде случаев прослеживается влияние фольклора на древнерусскую литературу. Фольклорные персонажи торговых людей, за исключением Кузьмы Минина, носят обобщающий характер, их нельзя безоговорочно отождествлять с конкретным человеком. Вот почему древнерусские эпические произведения, в отличие от письменных материалов, нельзя использовать в качестве полноценного и самостоятельного источника по истории торговли и купечества средневековой Руси, тем более что в былинах и исторических песнях не содержится никакой принципиально новой информации по данной теме. Вместе с тем их можно и нужно привлекать при изучении отражения и преломления в устном народном творчестве (а стало быть, и в памяти народа) исторических реалий эпохи Средневековья, в том числе в рыночной сфере.

¹⁸⁶ Аникин В. П. Русский фольклор. М., 1987. С. 45.

¹⁸⁷ Букатина Ю. Е. Русская былина в культурно-историческом контексте: проблемы интерпретации в XX в. // Источниковедение культуры: Альманах. М., 2007. Вып. 1. С. 247—283.

¹⁸⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 89.

¹⁸⁹ Чистов К. В. Фольклор и этнография // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 8.